

МОНОМАХ

№ 4 (107)
Август 2018

Тема
номера.

Пластов – знакомый и незнакомый

Августовский номер посвящен нашему земляку художнику Аркадию Александровичу Пластову, 125-летие которого мы празднуем в этом году. Произведения Пластова наполнены правдой жизни, наверное, поэтому они завораживают и надолго остаются в памяти. Образы Родины и народа стали основой его творчества. «Я люблю крестьянина, – признавался Пластов, – за его сложный и благородный труд, результаты которого так важны для всех».

В номере мы проследим, как начинающий художник стал признанным мастером кисти. В этом нам помогут воспоминания родных и друзей Аркадия Александровича, художников и искусствоведов, а также произведения и письма самого Пластова.

Редакция «Мономаха» благодарит за предоставленные фотокопии картин А.А. Пластова внука художника, Николая Николаевича, а также сотрудников Ульяновского художественного музея и лично Луизу Петровну Баюру, принявшую участие в подготовке номера самое деятельное участие.

Аркадий Пластов говорил: «Наш сыновний долг перед Родиной – записать, увидеть, сложить во что-то сверкающее и мелодичное всю эту необыкновенную действительность!.. У нас есть великий реалистический язык искусства, у нас велики национальные традиции, наследниками которых оставила нас судьба. Быть продолжателями этих благородных традиций нас влечет неодолимый инстинкт художника... Наше дело – утолить жажду народа в прекрасном».

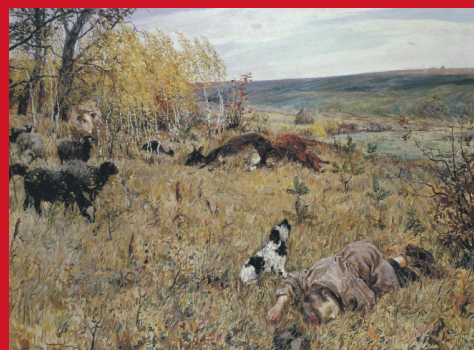
Что ж, предлагаю перевернуть страницу и насладиться материалами номера.

– Надеюсь, что августовский выпуск вам понравится и вы по достоинству оцените труд его авторов. Изучайте историю вместе с журналом «Мономах»!

Ольга Шипова,
главный редактор

«Наши судьбы были
рядом...»

Судьба
русского отрока

Пластовский
платок

«Каждый день он брался за кисть...»

Художник
Ефрем Зверьков
о творчестве
Аркадия Пластова.

Имя Аркадия Александровича Пластова дорого нам масштабом совершенного искусства, искренностью помыслов, горячностью чувств, подлинностью того, что сумел создать мощной кистью. На протяжении жизни глубокими корнями он был связан с родной Приволжской землей. На берегах великой русской реки, давшей нашей Родине столько славных сынов, он родился, здесь работал, здесь ушел из жизни, в этой земле покоится его прах. С незамутненностью истоков вдохновенного творчества русского народа ассоциируются в глазах культурного мира пушкинское Михайловское, толстовская Ясная Поляна, лермонтовские Тарханы, тургеневское Спаское-Лутовиново, репинские Пенаты, суриковский Красноярск. Пластовская Прислониха – в том же ряду. Сегодня это заповедные места нашего народа, символы духовной силы и богатства.

Прислониха – одно из многих приволжских селений, протянувшихся вдоль шумного проезжего тракта, окруженных привычной для российского взгляда неброской в своей сокровенной прелести природой. Оно получило известность как в стране, так и далеко за пределами благодаря светлой памяти о творческой жизни одного из его коренных жителей – народного художника Советского Союза, действительного члена Академии художеств СССР, лауреата Ленинской премии, Государственной премии СССР и Государственной премии РСФСР имени И.Е. Репина, кавалера трех орденов Ленина Аркадия Александровича Пластова. Жизнь художника без остатка связана с этим селом – от юношеского «пленения искусством» до вершин мастерства. Он был здесь не просто в окружении тех, кто интересовал его как модель. Он сам был

одним из них. Жизненный уклад, мировоззрение русских крестьян были у него в крови. В творческом смысле он утолял жажду жизни из чистого родника исконного крестьянского народного быта, насыщавшего его искусство горячей искренностью, глубокой правдой жизни.

Каждая из прославленных картин Пластова имеет в окрестностях Прислонихи место рождения. Здесь на каждом шагу невольно вспоминаешь то одну из них, то другую. Мне, бывавшему неоднократно в этих местах, особенно дорог бугор неподалеку от речушки Урень, сохранивший в нетронутом виде пейзаж, знакомый по картине «Фашист пролетел» (1942). Лишь подростки ныне деревья да загустевший кустарник свидетельствуют о минувших мирных десятилетиях. В этом ландшафте нет ничего эффектного. В нем все просто, почти обычно для средней полосы России. Но в годы страшного нашествия, когда, казалось

бы, музы должны были молчать, природа, увиденная глазами художника-патриота, выражала силу народной скорби и гнева, шемящую сердечную боль за родную землю, мобилизующую на самоотверженную борьбу за Родину.

В годы войны, находясь в Москве проездом с фронта, я зашел в Третьяковскую галерею. Картина «Фашист пролетел» (1942) буквально потрясла меня. Возникло нестерпимое желание поделиться с кем-то охватившим меня чувством, и я сделал запись в книге отзывов. Ни до, ни после не случилось со мной ничего подобного. Все в картине было так созвучно времени, общему народному настроению, моим ощущениям! Драматизм ситуации, песенность и грусть, разлитые в пейзаже. Казалось, что я слышу и жалобное блеяние напуганных овец, и тоскливый вой собачонки, и плачущий шелест листвы. Передо мной была осиротевшая русская земля и неизбывное народное горе. Вот тогда-то имя художника и запало в душу.

А.А. Пластов родился в 1893 году в бедняцкой семье прислонихинцев. Как он сам выражался, «блаженством, которое не повторится, пролетело детство». Пришло время учиться. Родители мечтали о том, чтобы сын получил образование. По воспоминаниям Аркадия Александровича, определяя его в духовное училище, а потом в семинарию, отец напутствовал: «Учись, старайся, может, архиереем будешь». В соответствии со вкусами и взглядами того времени в этих словах заключалась надежда крестьянина как-то выбиться из нужды, на то, чтобы хоть сын «вышел в люди».

Судьба распорядилась по-иному. Внук пошел по стопам деда Григория Пластова – иконописца и архитектора (церковь в Прислонихе была построена по его архитектурному проекту и расписана его рукой). Росписи церкви, исподволь оказывая эстетическое воздействие на детское воображение, возбуждали желание обратиться в зрительные образы содержание любимых народных сказок и былин, сюжеты из «Капитанской дочки» А. Пушкина и на стихи А. Кольцова, томики которых стояли дома на полке. [...] В 1908 году сельское общество решило подновить обветшавшие церковные росписи, поручив отцу Пластова общее руководство работами приглашенной артели богомазов. Сын принял участие в работах отца, во всем ему помогая. Аркадий Пластов пишет в автобиографии:

А.А. Пластов. Иван Тоньшин на молотьебе. 1933–1935.
Ульяновский областной художественный музей (УОХМ)

«Когда начали ставить леса, тереть краски, варить на крутом берегу реки олифу, я стал сам не свой и ходил, как зачарованный, около приехавших чудодеев... Быть только живописцем и никем более – шептал я тогда пересохшими от волнения губами».

В острой характерности пластовских типажей отсутствуют шарж, гротеск или скрытая усмешка

Судьба оказалась милостивой и в дальнейшем, когда свела Пластова в 1909 году с Дмитрием Ивановичем Архангельским, начинающим тогда художником, преподавателем рисо-

вания в семинарии. Педагог и семинарист вскоре подружились. С помощью первого учителя «чудесный мир прекрасного стремительно развертывался» перед преданным учеником. Обретенные знания о Третьяковке, о передвижниках и вообще о русском изобразительном искусстве, знакомство по репродукциям с работами В. Васнецова, М. Нестерова, В. Сурикова, Н. Ге, И. Репина, В. Серова и других выдающихся живописцев России того времени, по признанию Аркадия Александровича, сформировали в нем художника именно в те годы. Вскоре определилось решение ехать учиться в Москву. Этому способствовало знакомство с подлинными произведениями В. Поленова, экспонировавшимися на персональной выставке в Казани, куда Пластов съездил специально, чтобы увидеть и свежесть красок, и

А.А. Пластов. Стадо. (На пастбище). 1938.
Екатеринбургская областная картинная галерея

световые особенности живописи знаменитого московского художника и педагога.

1911 год. Москва захватывает с первого знакомства и становится на будущее, наряду с Прислонихой, второй точкой опоры в становлении творческой индивидуальности А.А. Пластова. Частная студия Ильи Машкова, Строгановское училище и Училище живописи, ваяния и зодчества – таковы ступени на пути познания профес-

сиональных навыков в скульптуре и в живописи, которые студент почерпнул у таких авторитетов, как Ф. Федоровский, С. Волнухин, Л. Пастернак, К. Коровин, А. Васнецов, А. Архипов и А. Степанов.

Февральская революция застала Пластова в Москве. Он не остался в стороне от событий, увлеченный, скорее, романтической стороной происходящего. Позже Аркадий Александрович писал: «После того, как я,

подобно многим, покатался по Москве на грузовике с пулеметами, с красным флагом на винтовке, арестовывая приставов, жандармов в участках, на вокзалах, я все же в конце третьей недели с начала Революции поехал к себе в Прислониху писать на натуре. Жизнь, однако, внесла неумолимые коррективы. Сходки чуть не каждый день. Впервые я задумался над политической стороной жизни».

Но Пластов не только задумывается, а с головой окунается в общественные дела родного села. Скоро его как одного из немногих «своих», кому можно довериться, односельчане избирают членом и секретарем сельского Совета Прислонихи, секретарем комитета бедноты. Он работает в комитете помощи голодающим Поволжья. В октябре, когда художник вернулся в Москву, он неожиданно столкнулся с баррикадами и стрельбой на улицах и сделал вывод: «Сейчас мало быть только художником, надо быть еще и гражданином».

С конца 1917 года Пластов живет почти безвыездно в Прислонихе, участвуя в переустройстве жизни российского крестьянства. В 1931 году одним из первых он записывается в прислонихинский колхоз. Новое общественное самосознание заставляет художника по-новому взглянуть на свое предназначение. [...] Но чем бы Пластов ни был занят, каждый день он брался за кисть, не говоря уже про карандаш, с которым не расставался никогда.

Прошло два десятилетия упорного и неустанного труда, исканий, потерь и преодолений, систематической работы на пленэре – свидетелями этого труда и добровольными натурщиками художника были только прислонихинцы, прежде чем Москва познакомилась с автором ярких самобытных полотен: «Стрижка овец» (1935), «Колхозный праздник» (1937), «Купание коней» (1938) и «Стадо» (1938), экспонированных на всесоюзных художественных выставках 1930-х годов. [...]

Я бывал свидетелем организованности А.А. Пластова, когда в 1950-1960-х годах почти каждое лето гостил в Прислонихе. Вставал он рано, чтобы успеть поработать до завтрака. Когда домашние разбредались по делам, Аркадий Александрович любил задержаться у остывающего самовара, просмотреть свежие газеты и полученные письма. И снова мастерская, после обеда опять за работу. Делает

А.А. Пластов. Стрижка овец. 1935.
Челябинский государственный музей изобразительных искусств

Сила воздействия пластовских полотен заключена в их высоком профессионализме, в тщательности работы, в стремлении живописца довести полотно до «дальше некуда». «Ни одну картину, – утверждал он, – я не писал, не проверив тысячекратно то, что собираюсь написать, что это правда, и только правда, и иного быть не может».

А.А. Пластов. Купание коней. 1938. Государственный Русский музей (ГРМ)

эскизы, пишет или рисует с натуры, иногда что-то лепит из глины или режет сказочные фигурки из корней бересклета. Если чувствовал, что творческое напряжение спадает, брал топор, рубанок или пилу – шел чинить или мастерить что-либо по дому, а то и вовсе уходил за ворота пообщаться с односельчанами. Работоспособность художника была необыкновенной.

Дома, в лесу, в поле Пластов никогда не расставался с блокнотом. В походной сумке, кроме простого карандаша, имелось несколько цветных. С их помощью делал зарисовки всего, что представлялось интересным, что

**Остротой и трепетностью
чувства он умел выразить
глубокую, серьезную
тему, через передний
край жизни видел ее
горизонты**

годилось для будущей большой работы: травинка, ветка с листьями, часть интерьера, кошка, гроздь красной калины. Все казалось ему прекрасным, и он, бывало, искренне восторгался: «Какое счастье, что мы художники, что видим красоту мира и несем ее лю-

дям!». К любой работе он делал массу рисунков и этюдов с натуры. «Ни одну картину, – утверждал он, – я не писал, не проверив тысячекратно то, что собираюсь написать, что это правда, и только правда, и иного быть не может».

Важное место в его творческих интересах занимал человек: его фигура, движение, характерная поза, жест, повседневные дела и заботы. В лица людей он вглядывался неустанно. Для этого использовал любую возможность побывать в многолюдных местах: на собраниях, в праздничной толпе, на скачках, в магазине, на стадионе, в

метро, в вокзальной суматохе. Восторженное удивление вызывало в нем неисчерпаемое многообразие выражений человеческих лиц. Его художническое внимание останавливалось на каждом интересном типаже. Бывало, восхитится кем-то из прохожих, сделает быструю заметку где-нибудь на краешке газеты или, понадеявшись на зрительную память, спешит в мастерскую, чтобы карандашом или акварелью за-

К любой работе Пластов делал массу рисунков и этюдов с натуры, хотя и без того многое уже знал почти наизусть

крепить в альбоме заинтересовавшие его черты. Он буквально коллекционировал характерное и образное в человеческом облике. Многие использовались при подборе материала на определенную тему. На моих глазах Аркадий Александрович перебрал в своем архиве сотни набросков лиц и фигур, чтобы наиболее выразительные вошли в картину «Праздник» (1953–1967).

А.А. Пластов. Праздник. 1953–1967. УОХМ

Однако самыми дорогими казались Пластову лица односельчан. Буквально поколения прислонихинцев рождались, росли, трудились, старились на его глазах. Целые семьи, написанные по многу раз в разном возрасте, живут в его холстах. Каждый персонаж точен по внешнему сходству и выявленному характеру. Их изображения остро психологичны и глубоко социальны, мастеру не было необхо-

димости каждый раз заново вживаться в образ. Тех, кого он писал, прекрасно знал и, что еще важнее, любил.

Аркадий Александрович умел духовно поднять человека. Физические недостатки не мешают нам видеть умные глаза, в которых открывается жизненная сила, внутреннее благородство, достоинство и мудрость людей трудной судьбы. В модели кисть мастера раскрывает красоту и доброт-

ность нравственную. Это свойство роднит портреты Пластова с произведениями Рембрандта и Сурикова. В пластовских портретах-биографиях, созданных в Прислонихе, можно проследить духовную жизнь советской деревни в развитии.

Пластов откровенно признавался, что «чем больше знакомился с историей искусства мирового и нашего русского, тем больше укреплялся в

А.А. Пластов. Гнедой жеребец.
Этюд к картине «Праздник».
Конец 1950-х – начало 1960-х. УОХМ

А.А. Пластов. Белая лошадь.
Этюд к картине «Праздник».
Конец 1950-х – начало 1960-х. УОХМ

В повседневной работе Аркадий Александрович не выделял то, что «надо», а последовательно писал то, что само просилось из души на холст. Идеи и чувства, темы и сюжеты насыщали воздух, которым он дышал в родной деревне. А его живопись – сочная, темпераментная, жизнеутверждающая – возводила будничные сюжеты трудовой Прислонихи в ранг высокого искусства, делала их актуальными, интересными и дорогими русскому сердцу.

А.А. Пластов. Колхозный праздник. 1937. ГРМ

своей любви к темам деревенским». Прислониha олицетворяла для него Родину, любимую до самозабвения. Даже уезжая за рубеж, где Аркадий Александрович в подлинниках изучал искусство других народов и эпох, он увозил с собой в кармане пучок пахучей травы – чабреца, чей запах, словно невидимой духовной нитью, связывал его с родным краем. Вдыхая аромат прислонихинских трав возле египетских пирамид или на ступенях римского Капитолия, он утолял тоску по России. [...]

Мне нравился уклад жизни его семьи, целиком подчиненный творческой работе Пластова

Лучшие произведения Аркадия Александровича Пластова по праву заняли почетное место в коллекциях Третьяковской галереи, Русского музея и художественных музеев страны. Мемориальный музей художника, соз-

даваемый в Прислонихе, существенно раздвинет границы знакомства с творческим наследием советского мастера и станет притягательным местом для всех, кому дороги драгоценные зерна национальной культуры. В Прислонихе все, что связано с именем Пластова, требует внимательного отношения, должно быть бережено, восстановлено как национальная реликвия. [...]

Искусство Аркадия Александровича чрезвычайно эмоционально. Пластов смотрел на мир широко, считая смыслом творчества отражение действительности. [...] Пластовская гражданственность не носит декларативного характера. Она естественна и органична, проявляется в художнической философии. Вот, к примеру, как он формулирует смысл подмеченной в натуре ситуации, которую взял в основу сюжета картины «Жатва» (1945): «Передо мной возникла та упрямая, негибкая Русь, которая в любом положении находит выход и обязательно решает поставленную историей любую задачу».

Пластов, нетерпимый к отсебятине в искусстве, исключал фальшь и в человеческих отношениях. Он начисто был лишен испепеляющей души зависти. Доброта его была требовательной, взыскательной, но животворной. Его оптимистическое приятие жизни помогало всем, кто оказывался в сфере воздействия его личности, видеть за житейскими невзгодами ее светлые начала.

После окончания Великой Отечественной войны, в тяжких условиях восстановительного периода, А.А. Пластов размышлял о будущем: «Какое же искусство мы, художники, должны взрастить сейчас для нашего народа? Мне кажется, искусство радости. Что бы это ни было – прославление ли бессмертных подвигов победителей или картины мирного труда, миновавшее безмерное горе народное или мирная природа нашей Родины, – все равно все должно быть напоено могучим дыханием искренности, правды и оптимизма».

Ефрем Зверьков (1921–2012),
академик АХ СССР (с 1988),
вице-президент
Российской академии художеств,
народный художник СССР,
лауреат Государственных премий РФ,
лауреат Международной премии в области
изобразительного искусства
имени А.А. Пластова.

Участник Великой Отечественной войны

«Наши судьбы были рядом...»

Художник Дмитрий Архангельский
о своем ученике Аркадии Пластове

Шестьдесят три года дружбы связывали Аркадия Пластова с его первым учителем и товарищем Дмитрием Ивановичем Архангельским, который рассмотрел в мальчике из Прислонихи незаурядный талант. «Мономах» представляет интервью с Д.И. Архангельским (опубликовано в журнале «Художник» № 11 за 1972 год), в котором художник делится воспоминаниями о своем ученике Аркадии Пластове.

Познакомились мы так. Осенью 1908 года в Симбирске была организована губернская сельскохозяйственная выставка с художественным отделом. Я участвовал в ней с рядом пейзажей и портретом. На эту выставку пришел с отцом пятнадцатилетний Пластов. Отцу понравились мои работы, разглядывая волжские пейзажи, он сказал сыну: «Вот бы тебе у него поучиться!». На другой день Аркадий пришел ко мне домой. «Хочу у вас учиться!». При-

няли мы его радушно. Он быстро подружился с другими моими учениками. Хорошо помню, как однажды, когда пришли сестры Акчурины, он стал им показывать, как надо писать акварелью. Тут же на столе – мы пили чай – он положил рядом с чашкой грушу, виноград, сбегал в садик за листиком и, наметив карандашом композицию, стал писать акварелью, быстро и точно кладя легкие мазки. [...]

Я учился у известного симбирского художника Пузыревского, который обычно писал вместе со своими

учениками, а потом разбирал исполненные работы. Этого же метода придерживался и я. Аркадий приходил к нам по вечерам, он учился тогда во втором классе Симбирской духовной семинарии. Мы вместе работали, я не на словах, а на бумаге, с кистью или карандашом в руках показывал, что и как делаю. Никогда не подчеркивал, что я учитель, а он ученик, просто я старший товарищ. И это товарищество мы пронесли через всю нашу жизнь.

На лето Аркадий уезжал домой, в Прислониху, и много рисовал домаш-

Тема номера. Пластов – знакомый и незнакомый

Удается ему очень и деревенский пейзаж: ветляник вдоль речки, бани с земляными крышами, потонувшие в бурьяне и душистой полыни, избы, амбары, пустые околицы, гумна со скирдами, опушки. Все это подлинное, все это то, что видел художник с детства, все то, чем дышит и жива деревня и он сам. Но больше всего притягивает его сам народ, его серенькая, будничная жизнь, его работа, его переживания. Краски живописи Пластова переливчатые, но не яркие, как не блещут ими наша поистине серая деревня и деревенский быт. В рисунках и эскизах художника – суровая, неприкрашенная действительность и глубокое понимание современности. Заслуга А. Пластова как художника-бытовика значительна уже по одному тому, что он наблюдает и работает без перебоев с 1909 года, с того момента, как выучился едва владеть карандашом. С той поры ни на минуту не забывает художник свою технику. Здесь он не знает себе пощады. Самый строгий критик для него это он сам.

*(Из статьи Д.И. Архангельского
«О художниках и художественной жизни Ульяновска», 1927 год)*

А.А. Пластов.
Портрет Д.И. Архангельского.
Конец 1930-х – начало 1940-х. УОХМ

А.А. Пластов. Скирда и всадник. 1948. УОХМ

А.А. Пластов. Молодые сосны. 1938–1939. УОХМ

них животных, цветы, сценки деревенской жизни. Осенью, когда он возвращался в Симбирск, мы разбирали его этюды и рисунки, и он всегда очень внимательно прислушивался к замечаниям.

Аркадий много и жадно читал, брал у меня книги по искусству, пользовался семинарской библиотекой и книгами преподавателя семинарии Вишнякова, передового, широко образованного человека.

Помню, как впервые приехал в 1910 году в Прислониху познакомиться с матерью Пластова, поглядеть прислонихинские пейзажи, о которых он с любовью рассказывал. Мы много ходили по окрестным лесам. Ночью он разбудил меня. Что случилось? «Гроза. Вставайте, смотреть пойдем». Вышли на крыльцо, а на дворе черным-черно. Вдруг огненная стрела засияла, потом – бух! Раскаты. Феерическое зрелище! В другой раз я с дочерьми приехал. Вечером Аркадий говорит: «Пошли в лес!». Пошли. Интересно, что он там показать хочет. А кругом тьма-тьмущая. Пришли на полянку. Он говорит: «Стойте здесь!». А сам в сторону отошел. Пошуршал чем-то. Потом спичку зажег, и вдруг по березке золотые змейки побежали – это он

алюминиевую бумагу поджег. Красиво! Девочки в восторге, он тоже. Любил он такие эффекты. Весной 1911 года, уйдя из 4-го класса семинарии, Пластов поехал в Москву, в известную тогда студию Машкова, чтобы подготовиться к поступлению в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. [...] Однако Аркадия не приняли. Не понравились рисунки, что ли. Сам он не заговаривал на эту тему, а я не расспрашивал. И поступил он тогда в Строгановское училище, где учился с 1911 по 1913 годы.

Помню его первую композицию в Строгановском – фарфоровые часы для камина. Он их красные сделал. Интересно. Но споры вокруг них в училище были большие: одним очень нравились, а другие ругали, дескать, где логика: часы – красные! В 1913 году Пластов все-таки поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества, где стал учиться у Волнухина. Скульптурой он занялся скорее всего из-за бедности. На холсты и краски при его жадности к работе немало денег надо было. Глина же в училище была бесплатная. Был он в училище первым рисовальщиком и неизменно получал первые номера.

Летом, приезжая на каникулы,

А.А. Пластов.
Портрет резчика по дереву.
1923. УОХМ

всегда приходил к нам, и мы рисовали или писали. Давал ему задания: нарисовать типы деревенские, сценки деревенского быта. С 1913 по 1916 годы я устраивал в Симбирске общедоступные выставки в Первом высшем начальном училище, где, как правило, половина выставки отводилась для работ Аркадия Пластова. И всякий раз его композиции получали в симбирских газетах высокую оценку за свою жизненную правду и живописную вы-

Д.И. Архангельский.
Лесная поляна. 1957. УОХМ

разительность. У Пластова уже тогда были свои ценители и поклонники, которые подолгу простаивали перед его работами.

После Октябрьских событий 1917 года он вернулся в Прислониху. Не прерывалась и наша дружба. В редкие поездки в Ульяновск он по-прежнему приходил к нам в дом на Шатальной улице, и мы беседовали, рисовали, разбирали мои коллекции. По моей просьбе Аркадий делал эскизы обложек к каталогам и альбомам, которые я составлял, эклибрисы для моей библиотеки.

В 1926 году уехал он в Москву, но долго жить вдали от своей Прислонихи не мог. Корнями был Пластов всю жизнь связан с родным краем и только дома чувствовал себя легко и привольно. И, уезжая из Прислонихи, постоянно стремился туда обратно. [...]

Эту любовь к родному краю он пронес через всю свою большую и далеко нелегкую жизнь. Она питала живыми соками его творчество, без нее он не смог бы стать тем Пластовым, которым стал. Я счастлив, что его и моя судьбы были рядом.

Дмитрий Архангельский (1885–1980), живописец, график
Нинель Ургалкина (1928–1992), журналист, искусствовед

Письма А. Пластова Д. Архангельскому

«Москва, 16 марта 1927 г. [...] К Москве уже привык и, пожалуй, соскучился по родным местам. С великим наслаждением побывал бы в поле, посидел бы у Вас, побыл бы у своих...».

«Москва, 22 мая 1927 г. [...] Как ни интересна Москва, как ни богата, все же сейчас меня неудержимо, неизъяснимо, властно потянуло после Вашего письма к себе, под небеса родины, к немудрым пейзажам, к вольному ветру полей, в грязь и убожество деревень, к плетням, полыни, межам в бесконечных полях, к свисту иволги, к скрипу дергача в молодых овсах, к полночной июльской прозрачной теплой мгле. Недавно на окраине услышал петушиный крик, и готов был разрыдаться, как девчонка. Вижу, как все шире и шире раскрываются почки и деревья стоят, как невесты непорочные, целеустремленные, невещественные, и томление мое достигает апогея. Да, тяжело сейчас здесь для нашего брата – дикой птицы...».

Полна башка мечтами о лете; удивительное дело, вот уже 35 весну переживаю, а все же волнения и тоска в груди, как в далекой юности, о свежести, чистоте и ароматах земли, лесов и небес, покинутых где-то там, за мгливой дымкой и чудной чертой городского горизонта. Совершенно не способен летом жить в городе, скованный чуждой волей, запряженный в ярмо строга размеренной суеты...».

«Москва, 17 ноября 1927 г. [...] Здесь слякоть невообразимая. Вчера с Налей (Наталья Алексеевна, жена А.А. Пластова. – Прим. ред.) мы мечтали побывать у Вас, покидать снежку с тропочки. А я добавил: вот выйдешь во двор, под навесом темно, овчешки похрустывают сенцо. А от него веет ароматом сказки – сенокоса. Корова дышит на руки, сумерки, падает мелкий снежок, тихо-тихо, оранжевое окно зовет в комнату. Выйдешь за калитку, трех-трех – бесшумно протрусит лошаденка, кой-где блеснет огонек, и тихо так, точно тишина небес посетила землю. Прощайте, пишите. Всем привет от души. А. Пластов».

«Москва, 29 марта 1928 г. [...] Кругом, всюду, в небесах всего более – весна, весна. Дума бьется, как птица, зажатая в кулак. Как-то вдруг чую – пахнет землей. Потянуло всего, не могу ни о чем больше думать. Скорее вон – одна мысль. Не могу представить себе, как люди работают в канцеляриях, в этих позорищах человечества.

Здесь почти можно без галош, местами даже пыль есть. Это ли не ужас? Дворники с непонятным ожесточением долбят грязные блины льда. Отупляюще грохочут колеса, даже каплет с крыши и т. п. Но все это производит отвратительное подобие весны, такое же, как куклы в окнах парикмахерских о живых красавицах. И вот сухо, нет саней, можно без перчаток, а где весна?»

Как только представлю наши поля, поляны, овражки, где булькают ручьи, посвист птиц, да разве перечтешь – так даже напугаешься, не с ума ли схожу, когда такие видения посещают наяву. Ну всего. Скоро увидимся. Всем привет. А. Пластов».

«Рисовали до усталости...»

А.А. Пластов и В.В. Киселёв. 1960-е

Из воспоминаний Виктора Киселёва

Виктор Васильевич Киселёв (1907–1985), заслуженный художник РСФСР и лауреат Государственной премии РСФСР имени И.Е. Репина был учеником и другом Аркадия Пластова. «Мономах» публикует воспоминания В.В. Киселёва о своём учителе и письма, которые Аркадий и Николай Пластовы отправляли другу на фронт. Воспоминания и письма предоставила дочь художника Наталья Викторовна Корчева.

А.А. Пластов. Урок ботаники. 1939. УОХМ

Рисовали мы (с товарищем) у Аркадия Александровича по целым дням то натюрморт, то портрет. В перерывах нам разрешалось смотреть его рисунки, которых было очень много. Целая стопа папок лежала под столом. Здесь перерисована была вся Присло-ниха: и стар и млад. Масса рисунков животных: коров, лошадей, собак, кошек. На тех же рисунках, рядом, изображены были детали животных: ноги, морды.

Морды коров рисовать очень трудно. Ведь у большинства художников они похожи на морды бегемотов. Аркадий Александрович нашел форму основной конструкции. Самый нос коровы, например, труднейшая часть, здесь нужно найти его конструкцию. Но он её нашел. Об этом он мне говорил, что это его открытие, и мне показал. У каждой коровы она одна и та же. Как только нарисуешь эту конструкцию, так морда станет коровьей. И, как оказалось, не так трудно ее нарисовать одним росчерком. На его рисунках это можно видеть.

Кроме рисования с натуры, он заставлял нас много копировать: его рисунки, подражая технике, с репродукций мастеров Серова, Милле, Ван Дейка. Такие задания обыкновенно давал на вечер. Изредка заходил к нам на квартиру посмотреть, чем мы занимаемся. А вечерами у нас всегда было много молодежи, которая охотно нам позировала. Так занимались мы у него зиму. За это время он нас ознакомил и с живописью, и с техникой масляных красок. Весной ознакомил даже с лепкой. Лепили из местной глины. Он нам говорил: «Никогда вы не получите столько в любом учебном заведении за такое короткое время». Рисунки наши он тщательно проверял, поправлял резко, видно было его руку. На каждом рисунке он ставил начальную букву нашего имени и дату: число и месяц.

В 1924-м или в начале 1925 года Пластов лепил небольшую модель памятника «Павшим борцам» на конкурс. Лепил с громадной энергией, с приподнятым настроением. Он весь горел работой. Пальцы его двигались молниеносно, трудно было следить за ними. Мускулы лица были все в движении – он переживал настроение тех героев, которых изображал, воплощаясь в них, и, видимо, не замечал своих движений. Работал правой рукой, левой все время быстро вертел работу. На пьедестале фигура рабочего со знаменем в одной руке, другой поддерживал раненого бойца. По стенкам пьедестала должны быть барельефы на темы борьбы. Любопытно, как работал над знаменем, которое полыхало в воздухе. Он устроил его из дровяка и тряпки. Тряпку пропитал той же мастикой, и она легко поддавалась пластике движения. Мاستику он варил сам из воска и еще что-то клал в нее, кроме краски. Цвет ее был красно-коричневый. Она была довольно твердая, и лепить из нее было приятно. Я тоже рядом с ним лепил головки персонажей модели. Его никогда не стесняло мое присутствие при работе.

Интересно было учиться у Аркадия Александровича, легко, весело. Не чувствовалось какой-то официальной школы с планами. Часы не соблюдали. Рисовали до усталости. В перерывах учитель приглашал нас на кухню пить холодное молоко. Оно было в чистеньких горшках, завязанных бумагой. Баба Оля (мать Аркадия Александровича) была очень аккуратная старушка, и чтобы не перепутать горшки (молока было много) она ставила на каждом дату. Как-то зимой

А.А. Пластов. Портниха Киселёва Нонна Викторовна. 1960-е. УОХМ

А.А. Пластов. Модель памятника «Борцам революции». 1925. Утрачен. Фотография представлена Ю.В. Козловым

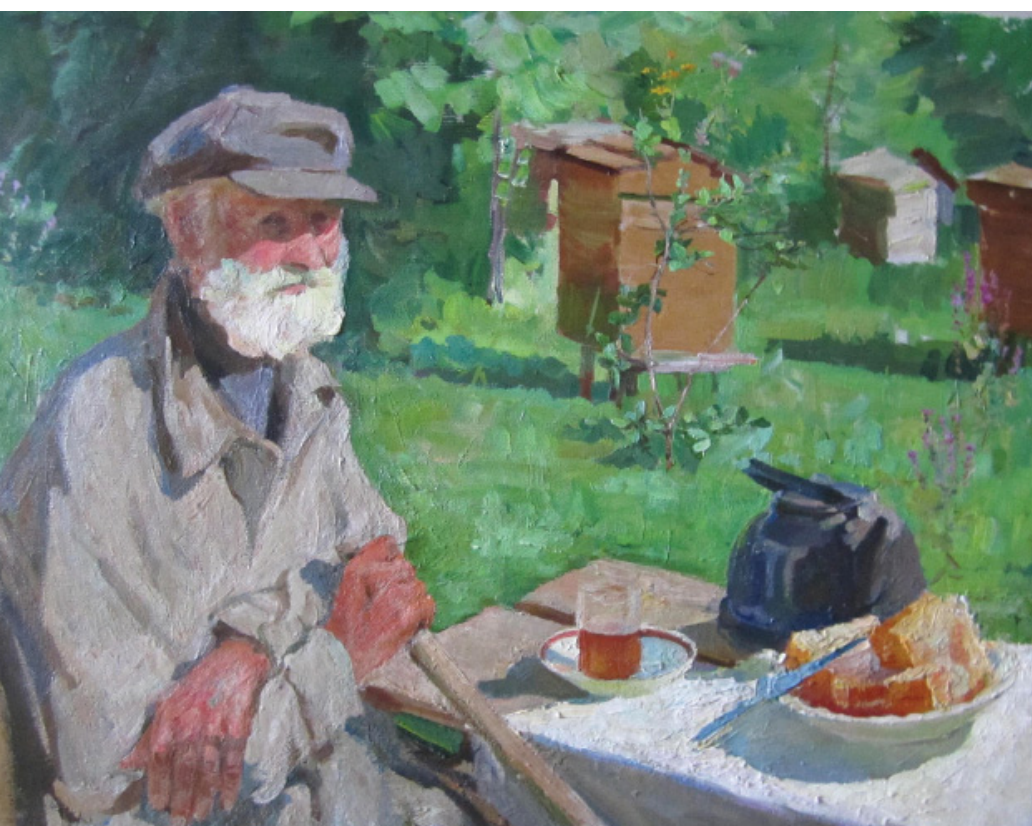
баба Оля уехала к сыновьям, братьям Аркадия Александровича, и мы тут были одни. За коровой ухаживал сам Пластов, а доила доверенная старушка Маринушка. Прихожу однажды осенью в Прислонику. Захожу к Пластовым, а в доме тишина и мрачно. Встречает меня Маринушка. Спрашиваю, дома ли Аркадий Александрович? Она так таинственно, шепотом говорит: «Нет! Уехал в Ульяновск невесту сватать. Сапоги во какие надел», – и показывает на ногу выше колена. В то время мода была шить болотные сапоги с козырьком выше колена. У Аркадия Александровича тоже были такие. В тот день Пластова я не дождался и ушел домой в Комаровку. Через некоторое время прихожу к нему, смотрю, он делает сходни – перила вниз на кухню, новые, готовился к свадьбе. В свои секреты он меня не посвящал

А.А. Пластов. Мартовское солнце. 1969. УОХМ

В.В. Киселёв. Комсомолка Люба.
1972. УОХМ

В.В. Киселёв. На пасеке. 1964. УОХМ

тогда, все-таки я был только ученик его, но письма Наталье Алексеевне передавать приходилось. Тогда я по воскресеньям ездил в Ульяновск, где один раз в неделю брал уроки акварели у Д.И. Архангельского.

В июле 1929 года у меня была свадьба. Пировали скромно. Пригласили только близких. Я поехал за

Пластовым. Аркадий Александрович тогда надел синюю сатиновую косоворотку, новые брюки, фуражку. Погода была чудесная, дорога проселочная, полями, лесом и глуховатая. Выехав из села, Аркадий Александрович снял рубашку, чтобы не запыхалась. Я сидел на грядке телеги, свесив ноги, а он сидел среди телеги с ногами. Хлеба

В.В. Киселёв. Одиночество. 1956. УОХМ

В.В. Киселёв. Ветеран войны
Киселёв Володя. 1976. УОХМ

были еще зеленоватые, и луга не скошены. По старому стилю это было 29 июня на Петров день. Чудесные травы, масса цветов. Лошадь трусила, телега постукивала. Перед выездом в наше село Аркадий Александрович отряхнулся, надел рубашку.

На свадьбе был мой двоюродный брат, молотобоец, здоровенный детина. А Аркадий Александрович всегда любил помериться силой. И вот они стали тянуться на палке. Теща им дала скалку. Оба были разгоряченные. Тянули долго, но потом Григорий Иванович (брат) оторвался, и Аркадий Александрович стукнулся о печку. Это его еще больше раззадорило, они снова схватились. Аркадий Александрович перетянул и был доволен. К вечеру с супругой и крестным пошли провожать Аркадия Александровича домой. На лошади он не захотел ехать.

Виктор Киселёв (1907–1985),
заслуженный художник РСФСР и
лауреат Государственной премии
РСФСР имени И.Е. Репина

«Документ ЭТОТ ЕСТЬ ИСТИННОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ВРЕМЕНИ...»

В.В. Киселёв.
Фронтовые наброски

В.В. Киселёв. Автопортрет

Письма Пластовых художнику Виктору Киселёву

Н.А. Пластов -
В.В. Киселёву
на фронт

4 марта 1943 года

Милый дядя Витя, здравствуй, целую тебя крепко-крепко. У меня новостей полно. Вчера получил два твоих письма, одно с фото, а другое с рисунком землянки. Как я этому обрадовался! Спасибо тебе за них. Ты пишешь, что фото у тебя потемнели – я тебе пришло новые фотографии, у меня негативы целы. А это будет в следующем письме, а пока посылаю тебе фото «Три танкиста». Те я еще не напечатал. У нас здесь помер вчера Глухов Иван Трофимыч – по-уличному «Туртыга».

Мама (Наталья Алексеевна Пластова (урожденная фон Вик). – **Прим. ред.**) ходила два раза в Майну встречать папу (Аркадия Александровича Пластова. – **Прим. ред.**). Сегодня пошла еще раз. Только ушла, через час получили телеграмму, что папа с товарным поездом проехал на Выры,

С однополчанами. В.В. Киселёв 1-й слева в верхнем ряду

так как он в Майне не остановился. Теперь как нам выгащить маму с Майны, а папу с Выров – не знаем.

Учусь хорошо и отлично. Получили от тети Веры письмо. Оно адресовано маме, а ее нет.

У нас пышно цветут розы. Мы получаем «Правду» и «Литература и искусство». В последней есть статьи и рассказы про то, как папа с товарищами был под Сталинградом. Кстати, наши дела на фронте идут успешно. Сегодня передавали, что нами освобожден Ржев и Льгов.

Пока писать больше нечего. Поклон от бабы Оли и бабы Сони и мамы. Скоро приедет папа. Ураа! Вот какая будет радость! Как хочется мне увидеть тебя. Пиши ответ. До свидания.

P.S. Может быть, я пришлю тебе еще альбомчик, когда можно будет посылать посылки.

Пластов Н.

**Н.А. Пластов –
В.В. Киселёву**

19 декабря 1943 года

Милый мой Витя, друг мой!

Сейчас сижу у вас, получил твои письма, успел и прочитать.

Что тебе написать сейчас? Все сердце у меня изныло по тебе. Ехал лесом, слезы мешали смотреть. Что-то только в голове не припоминалось.

Жду, брат, и я призываю. Берут уже до 45 местами. Черед за мной. Признаюсь – смутно на душе. Работаю совсем мало. Сделал одну картинку...

**Н.А. Пластов –
В.В. Киселёву**

17 октября 1944 года

Милый дядя Витя, здравствуй. Наконец-то я имею возможность написать тебе. Как я этому рад! Я очень о тебе соскучился. Как ты там живешь? Скоро ли приедешь? У нас здесь стоит золотая осень, и мы с папой пишем этюды: я – акварелью, а папа – маслом. Только вот я учусь и мне некогда бродить по лесам. До школы я рисовал гораздо больше. Делал копии с Репина, портреты с натуры и пейзажи, и натюрморты. Если хочешь, я тебе пришлю рисунок акварелью, а ты напиши свой отзыв.

Папа ездил вчера в Комаровку и «уташил» у тебя 4 тюба с краской.

Книги для 6 класса я Тасе отслал. Учусь я хорошо, только жаль, что у нас неполный комплект учителей. Нет учителя по химии и биологии. Ну, это я сам подгоняю. Сейчас дни стоят теплые и сухие, и поэтому я гоняю на велосипеде.

Папа пишет сейчас картины и повторения «Пастушонка». Ну и все пока. Поклон от мамы, бабы Сони и бабы Оли. До свидания. Твой Коляга. Скорей пиши ответ.

**Н.А. Пластов –
В.В. Киселёву**

24 декабря
1960-е годы

Милый мой дядя Витя, ты вправе меня ругать и обижаться на меня – так долго я молчу, а ты, поди, изнываешь от неизвестностей. Все хотелось написать что-то милое, ласковое и продуманное – последние дни вспоминаю о тебе прямо-таки с нежностью и очень хочу тебя увидеть...

Сейчас отгремит твой любимый 3-й концерт Бетховена, и я как-то очень живо представляю тебя, лежащего у нас на диване, задрал нос к потолку, и блаженно растворяющегося в этих могучих аккордах. Почти всегда, как слышу эту музыку, да и другие вещи, жалею, что не слышишь этого.

Письмо твое пришло на Николу и доставило нам обоим много радости свое теплотой и милой домашностью.

**Н.А. Пластов –
В.В. Киселёву**

1970–1980-е годы

Дорогой мой дядя Витя!

Совершенно бессовестно зятнул тебе с ответом на твое длинное и такое сердечное послание...

Постоянный наплыв всяких надобностей, разговоров, звонков, совещаний, дружеских бесед и недружеских встреч – очень утомляет...

Все это не для того, чтобы оправдать мое молчание – писать можно и должно всегда, и отец тому – наглядное доказательство. При самой дикой занятости им написана, по сути дела, вся история его жизни только в переписке. Большая жалость, что дядя Митя Архангельский не сохранил его

юношеских, да практически и всех остальных писем... Эти потери мне очень ощутимы: начало пути Пластова почти лишено документальной опоры, не в пример поздним годам. Как мало вообще мы знаем точного, какую жалкую дребедень хранит наша память – о человеке, про которого мы должны бы знать все, да вроде и жили с ощущением, что знаем все. Я читаю твои письма военных лет и вижу, какая уйма бесценных деталей, мыслей, искреннейших движений сердца сменяется равнодушным бегом лет, как сметаются дыханьем осенних дней несметные сонмы листов... А мы потом пытаемся догадаться по десятку еще болтающихся листиков, какая же была корона, пытаемся обрести уверенность, воображая, быть может, то, что – лишь плод наших собственных умозаключений.

Как бы то ни было, переписка ваша с отцом, твои фронтовые письма – документ эпохи и, поскольку каждое слово драгоценно в своей искренности и подлинности чувств, документ этот есть истинное свидетельство времени. Во всяком случае для меня выросло все это безмерно и как факт истории и как человеческое деяние. И вот, обуреваемый этими размышлениями, я вдруг представил, как зазвучала бы в наши дни выставка отцовских работ, сделанных за войну 41–45 гг. Не только крупных картин, но всего, что им сделано, пока ты был на фронте, всех эскизов, всех рисунков, какие портреты туда бы вошли, какие мужицкие характеры, какая деревня в нищей прелесть своей, какие этюды ко всем этим «Немец пролетел», «Жатва» и т. д. И плюс ко всему этому письма с фронта и на фронт, твои письма, эти замечательные акварельки с картин, что он посылал тебе в окопы...

У меня, знаешь, какое-то устойчивое ощущение, да более! Убеждение, что мы с тобой – единственные, кто понимает отца и живет его эстетикой правды. Конечно, это не так, для многих он живой художник, крупный мастер...

Пластов, воспринятый во всем своем истинном значении, сметает все вокруг, лишает возможности помещать его в один ряд даже с крупными своими собратьями, они были только художниками, он был – народом. Быть может, в нем впервые народ, мужик эстетически осознал себя... Ведь об этом только с тобой и говорить.

«Всё искупалось счастьем его возвращений в Прислониху...»

Николай Аркадьевич Пластов оботце

Чем более я вспоминаю, чем теснее меня обступает все бесчисленное, что мне известно об отце, его жизни, его работе, горях и радостях, тем яснее мне становится, что, решившись выделить тот или иной факт, ту или иную черту характера, ту или иную жизненную ситуацию, я поведу читателя по ложному пути, так как оставлю его своевольно в плену случайного. Ибо чем может быть даже самый интересный факт, самый яркий эпизод, если он изъят из сколь-нибудь полного контекста человеческого и творческого характера? Анекдотом, забавным штришком, зыбкой тенью, никак не дающей понятия о грозном зное светила, о яростной упорядоченности его пылающих недр.

Более того. Сам отбор, само предпочтение того или иного из всего, что подсказывает мне сейчас беспощадная память, невольно делает меня посредником между тем, до слез живым и убедительным образом отца, который она хранит, и читателем, перед которым, стесненный рамками журнальных страниц и сроков, стану я повертывать этот образ по собственному усмотрению, судорожно и наугад пытаюсь оживить этими манипуляциями то, что, увы, стало лишь тенью.

В самом деле, что мне предпочтительнее, что выделить, в ущерб остальному, ведущей темой воспоминаний из того невообразимого наслоения фактов, сорокалетних наслоений, из которых для меня складывается образ отца?

Отец моего детства – поджарый, обнаженный по пояс с литыми мышцами, загорелый до бронзы, стриженный наголо мужик, водящий за собой по веселым лесным полянам вагату косцов в темных от пота, белых от соли рубахах.

Н.А. Пластов. Осень. 1969. УОХМ

Странный и счастливый сплав души художника и доподлинного «мужика» – крестьянина, на себе и не эпизодически знающего все тяготы и радости крестьянского труда, всю жизнь делал его «своим» среди трудового деревенского люда.

Тысячная толпа собралась бы перед домом живописца, оживи вдруг все бесконечное множество типов, переписанных, перерисованных отцом.

Бесчисленные версты избегал я за ним мальчишкой в его ежедневных пеших походах за этюдами по полям и лесам Прислонихи...

Постоянные проводы в Москву на долгие зимние месяцы, тоска, сжимающая мое ребячье сердце, когда раскатистые розвальни уносили отца по глухому зимнему проселку, а я оставался один в мглистой белизне полей, злой поземкой застилающей и отца в широченном тулупе, и его чемоданишко, и рулон с картинами.

Потом-то я увидел своими глазами казавшийся мне тогда неизъяснимо прекрасным и таинственным мир мо-

сковской мастерской, в которой дозревали, дописывались увозимые полусырыми из Прислонихи полотна. Огромную, загроможденную работами, высоченную и пыльную мастерскую в Москве можно бы было проклясть за ее казенную унылость, если бы не сверкали в ней эти холсты всеми живописными радостями родных краев, не занимали все внимание дерзкими живописными задачами. За их разрешением, бесчисленными изнуряющими переделками, соскабливанием готовых кусков, удачами новых находок забывалась отцом вся неустроенность многолетней жизни в мастерской, напряженная работа до двух, трех часов ночи, бесконечные заседания... Зато все искупалось счастьем его возвращений в Прислонику, когда те же немилые версты как будто нарочно к его приезду одевались в первую сквозистую зелень берез, а проклятые непроездные овраги все в кипени черемухи, в шелканье и высвистах соловьев казались райскими кущами в пьянящем волшебстве майских ночей.

Н.А. Пластов. Света Карпунина. 1977. УОХМ

Священное начало лета! Священные дни вызревания замысла, дни жадного сбора восхитительных в своей правде деталей будущих картин – одному этому должны быть посвящены многие страницы: так красочна и захватывающа была эта охота за натурой.

А бесчисленные эскизы-варианты, так сказать, режиссура рождающегося замысла, в которой быстрые наблюдения как бы сбрасывали одежды обыденности и случайности и облачались в торжественные ризы искусства, где все – расчет, где последняя складка начинает служить выявлению пылающей мысли художника...

Я теряюсь, не знаю, что предпочесть и оставить, чем пожертвовать, дабы художник не предстал искаженным мишурой обывательских подробностей или, горше того, в некоем казенном приглаженном благообразии с надлежащим набором добродетелей и достоинств, приличных данному случаю.

Всю жизнь отца приводили в состояние некоей оторопи и бессильного отчаяния искусствоведческие самоуверенные правила и предписания, по которым привычно расчленяется тупыми ланцетами живое тело искусства в легкомысленной надежде наконец-то обнажить перед любознательным зрителем скрытый механизм творчества.

Остерегаясь невольно оказаться в роли торопливого исследователя, строящего на произвольно выбранных фактах свое толкование творческой и человеческой личности мастера, толкование, так часто лишшающее читателя возможности составить сколько-либо объективное суждение о художнике, я

счел за лучшее заменить собственные воспоминания подборкой подлинных мыслей отца в ниже публикуемой ничтожно малой части его обширной переписки.

Даже при первом просмотре рукописей отца мне показалось, что они представляют весьма обширный и интересный материал и по кругу затронутых проблем искусства, и по большому количеству достоверных фактов, которые вряд ли чем можно заменить, решившись исследовать творчество и жизнь художника, побудительные мотивы и историю создания той или иной картины, саму, так сказать, манеру восприятия жизни живописцем Аркадием Пластовым.

А.А. Пластов.
Конопатчик Михаил Семёнович
Шарымов. 1969–1970. УОХМ

Надеюсь, что читатель благо-склонно отнесется к этой публикации и с интересом услышит подлинную речь художника не из третьих рук, речь, быть может, сбивчивую, не рассчитанную на широкую аудиторию, но благодаря этому такую откровенную. Речь, в которой особенно зримы страстность и взволнованность живописца, его понимание роли художника и задач искусства, его любовь, неутомимая, всепоглощающая любовь к «милой жизни», к своему ремеслу...

Николай Пластов (1930–2000),
советский и российский художник,
фотохудожник, мастер жанровых сцен,
пейзажей и портретов.
Фото из архива семьи А.А. Пластова

А.А. Пластов. Цветущая яблоня. 1940. УОХМ

Плащаница вселенной

Письмо
Аркадия Пластова
сыну Николаю

Соблюдена оригинальная речь

С утра сел у церкви и сделал этюд с Дуниной и Лизкиной избенкой с кусочком леса за ними. К вечеру стало очень холодно, и прошел ливень. Пошли мы с бабой Катей в Зеленовку на зады – кто-то наплел, что наша Красулька (кличка коровы Пластовых. – **Прим. ред.**) на колхозной картошке. После дождя стало холодновато, но сиянье красок кругом, пейзажи один другого поразительнее по насыщенности густых тонов, как на драгоценной иконе 14-15 веков, совершенно непостижимые по изысканности и пряности гаммы заставляли чуть не плакать.

Как какая-нибудь народная песня – до такой степени это было русское, бесконечно милое и задушевное и красивое беспредельно. Плакать и смеяться хотелось от какого-то восторга и оттого, что видишь это дивное диво, и что вот нет тут тебя рядом со мной, было так больно на сердце, что и описать это невозможно.

Я бросил искать корову, побежал домой, захватил этюдник и поспешил сделать дрянной этюдишко, нечто вроде жалкой насмешки над всем этим мощным, непостижимо величавым великолепием. Правда, мне помешали начавшийся дождь и быстро наступившие сумерки.

А.А. Пластов. На краю поляны. 1946–1949. УОХМ

Забыл сказать, что вчера под вечер мне кое-как удалось приписать дедушке Афанасию задник. Не знаю, как ты найдешь, но получился какой-то такой ансамбль, что трудно теперь отделить и фон от фигуры и наоборот, некая органическая слитность, правда, выполненная не блестяще.[...]

Сегодня меня разбудили криком: «Вставай скорее, за мостом... продают два воза тесу». Я поспешил, как говорится, на место происшествия. Действительно, стояло два воза, запряженные коровами. У одного воза сломалось колесо, и этим была вызвана остановка. У возов была одна средних лет татарка, не понимающая порусски, и татарчонок. Кой-как я узнал все же, что хозяин старик ушел искать колесо. Скоро он вернулся с дрянным колесом на плече. Это был высокий, немножко сутулый, широкоплечий человек, ярко выраженного татарского типа. Принесенное колесо было столь никудышное, что я не удержался и спросил старика, как он думает ехать на такой чепухе.

– Чаво паделашь, – сказал он в ответ, – канешна плахой, да как-нибудь ихать нада.

– Сколотить бы доской его, – говорю.

– Да ведь нет ничава, гваздка де взять?

– Пойдем, – говорю, – я тебе дам и доску и гвоздей.

– Дай пажалыста, – обрадовался бабай, и скоро он наладил колесо, а мало времени спустя мы сторговались с ним, и я купил у него 113 досок обрзного теса по одиннадцать рублей за штуку.

Жалко, тебя не было. Любопытный тип, 74-х лет, свитой, как канат, точно из одних жил. Поставили им самовар, и они пили чай... У старика оказалась еще старуха, старая «бабай» имела лицо, как у шимпанзе, но все четверо были прелестны...

День был с утра холодный, даже вдруг посеяла крупа, но к обеду сильный ветер раздул тучи и холод, стало безоблачно и тепло. Я написал дальний план в картине, а потом побежал и за Якова Гундунова двором сделал этюд последних закатных лучей в сторону зеленых задов, вот это место. Но так как этот поразительный эффект длился менее, чем нужно было мне, я не доделал этюда и думаю, что завтра удастся дотянуть, если только будет хороший день. Когда шел оттуда, то просто задыхался от восторга – так было кругом после заката вос-

А.А. Пластов. Пейзаж с сухой ветлой. 1940-е. УОХМ

хитительно. Я поскорее наклеил еще холстик и успел сделать еще этюдик... Кажется, немного удался. Потом схватил велосипед и скорее помчался на МТФ (молочно-товарная ферма). Я приехал, конечно, уже в глубокие сумерки, но, скажу тебе, напрасно мы не ухитрились побыть там с тобой в последние дни. Ты, конечно, представляешь, что там было, а теперь стало и совсем чудо.

Бронзовый лес на горе тускло-золотисто-серой, и глубокий, совсем бездонный, сине-черный бархат взрытого стойбища, по которому разбросаны в беспорядке пятна скотины, такие предельно насыщенные, что я долго стоял, не имея сил оторвать глаза от этих густых пурпурных, коричневых, серых, сине-фиолетовых, пылающих, как сиена жженная на просвет, тонов. Рядом с абсолютно черными, но дивно прозрачными и легкими тонами слабо тлели красноватые охры, таяли умбры рядом с мглистым кобальтом.

Это была такая симфония, такой ноктюрн, такая утонченная игра на полутонах и бархатных паузах, что удайся у меня эта вещь (а я делать это буду обязательно) хотя бы на несколько процентов, и то я бы не знал, как благодарить бога. Старик стоял у городьбы сотканый как бы из тонкого дыма, реальный дальше некуда и в то же время таинственный, точно это выполз и оперся на палочку домового или фавн, прокраившийся из оврага. Девчонка с жемчужно-опаловым лицом в тускло

розовом платьице и кофточке, писанной английской красной пополам с капут мортуумом, стояла на первом плане и как нельзя лучше оттеняла густую виолончелевую музыку задника.

Дивно, сынка, дивно все было, но тебя нет, и кто поймет меня, кому я поделюсь этими неисчислимыми богатствами, с кем, разделив радость любования, переживу это в удесятеренном размере и пойму так глубоко, как только возможно. [...]

Еще бы был ты здесь две недели, даже неделю, и то это было бы счастьем, великой прибылью. Но ладно, твоя жизнь впереди, и ты все это насмотришься и осилишь, навек закрепил для радости людей.

Я сегодня, когда встал после работы над последним этюдом, да и после работы над первым, оглянулся кругом на драгоценнейший бархат и парчу земли, на пылающее звонким золотом небо, на силуэты фиолетовых изб, на всю эту плащаницу вселенной, вышитую как бы перстами ангелов и серафимов, так опять, в который раз, все с большей убежденностью подумал, что наши иконописцы только в этом пиршестве природы черпали всю нетленную и поистине небесную музыку своих созданий, и нам ничего не сделать, если не следовать этими единственными тропами к прекрасному.

30 сентября 1949 года

Фото из архива семьи А.А. Пластова

Черновик письма А.А. Пластова искусствоведу С.

Ваше письмо получил 10.01.63 г. Два дня думал, что ответить, а потом началась полоса очень печальных событий и тянется не переставая до сегодня – 18-го, и мне, даю Вам слово, ничто путное не лезет в голову, ничего делать не хочется, хожу как потерянный, и сколько это продлится – бог ведает.

А беда такая: умер тот самый старик (Матвей Иванович Кондратьев. – **Прим. ред.**), что фигурирует в картине «Смерть дерева» (1962). Был он мне большой друг, жил «в шабрах» или, по-другому, был наш сосед; жили мы, как здесь говорится, за один дом... Ушел прекрасный образчик настоящего русского мужика, один из тех, кто уже никогда не появится на святой Руси, богатырь телом и младенец душой, безропотный работник до последнего вздоха, на все руки мастер, да какой еще, настоящий крестьянин во всем очаровании крестьянства, если кто еще понимает что-нибудь в этом деле или когда-нибудь задумывался, что такое был когда-то «мужик».

Ну да что об этом говорить. Назад ничего не вернешь ведь. Вот через это горькое происшествие я и вышел из строя и что-то никак не сдвинулся с той мели, на какую толкнула судьба...

[...] Что Вам сказать насчет того, почему я дал название «Весна» (1954) одной моей работе? Если брать «вопросы зрителей», так ну их с их вопросами. Мне на эти вопросы трудно ответить, переводить с русского на китайский, ей-богу, нет охоты и пользы.

Вот как Вы им отвечали, мне было бы интересно узнать. Но если Вы сами хотите задать мне такой вопрос, то это уже много хуже и печальнее, ибо сие значит, что даже наиболее чуткие

А.А. Пластов. Смерть дерева. 1962.
Национальный художественный
музей Республики Беларусь

сердца замкнулись для самых обыкновенных голосов искусства и надо забыть евангельский наказ: «толщите и отверзется вам». Если искусство во многом, так сказать, иносказанье, немая и самая красноречивая речь, то, видимо, надо иметь этому самому зрителю какие-то особенные уши, чтобы услышать этот сокровенный, страстный шепот души художника, чтобы вдруг ощутить тепло его уст, очнуться и как бы воскреснуть в ином чудесном мире, из которого, заглянув в него хоть раз, уже никогда не захочется вернуться в то состояние, которое диктуют такие названия, как «Рубка леса» (вме-

сто «Смерти дерева») или «Мальчик на каникулах», какое мне советовали дать моей картине «Юность» (1953–1954). Вы пишете: «Вы придумываете названия, на мой взгляд, очень многозначительные, которые соответствуют Вашему мироощущению. Уточните это. Подобная цитата не только поможет зрителю и каждому из нас, но и...»

Дорогая моя! Я никогда не придумываю названий... Название и идея картины, замысел, его облик рождаются одновременно, неотделимо друг от друга. Но только на холсте я пишу цветом, а на бумажке, что под картиной, пишу ну как бы подстрочный перевод,

что ли, того, что зрителю предстает в том или ином облики перед глазами.

Каждый волен подыскать любое слово из убогого нашего словарного фонда (по сравнению с живописью), какое ему кажется более по его разумению, но, давая свой подстрочник, я втайне рассчитывал, что он попадет в руки поэта или просто умного человека, и этого ключа хватит ему открыть ларец с немудреными сокровищами. Увы, это редко, редко доводится встретить, а пытаться объяснить слепому, какого цвета молоко, для меня просто не по мозгам. [...]

Январь 1963 года

А.А. Пластов. Юность. 1953–1954. ГРМ

Судьба русского отрока

Картина «Немец пролетел» (авторское название впоследствии было заменено на «Фашист пролетел») – самая известная и пронзительная картина Пластова о войне. Художник писал ее всего пять дней осенью 1942 года. О связи этого полотна с русской дореволюционной живописной традицией Серова и Левитана, а также с семантикой нестеровских полотен впервые написал А.И. Морозов: «Образ мальчика-пастуха среди тихой осенней природы так или иначе мог побудить у зрителя ассоциацию с поистине культовым полотном Михаила Нестерова «Видение отроку Варфоломею»... Пластовский пейзаж, словно списанный с натуры, в силу сугубой хрестоматийности самого мотива, столь памятного и любимого многими по произведениям Нестерова, Серова, Левитана, прямо возродил традиции русской живописи рубежа XIX–XX веков...»¹ Морозов здесь руководствовался исключительно поэтикой пластовской картины и своей интуицией. Он не знал, что перед самой войной (весной 1941 года) Пластову суждено было встретиться с М.В. Нестеровым...

В письме к жене Наталье Аркадий Александрович пишет:

«Был в гостях у великого человека – у художника Нестерова. Несколько времени тому назад, перед тем, как мне ехать на Кавказ, Нестеров был в Третьяковке. Ему 79 лет, он тихо, под руки водимый, ходил по Третьяковке в сопровождении директора и секретаря Третьяковки, и прочей знати. Этот знаменитый старик смотрел выставку, на которой я экспонирован, смотрел, в общем, советскую живо-

А.А. Пластов.
Фашист пролетел. 1942.
Государственная
Третьяковская галерея (ГТГ)

Картина Пластова «Немец пролетел» наполнена нестеровской поэтикой: и образ мальчика-пастуха, и пейзаж, и вырастающий из него эпический образ Родины... Пластов, удивительно точный в деталях, словно цитирует фрагменты нестеровского полотна, помещает на первом плане молодые сосенки, оброненный кнут, ассоциирующийся с конной упряжкой в руках отрока Варфоломея...

В контексте нестеровского «Видения...» пластовская картина приобретает еще более страшный и высокий смысл.

М.В. Нестеров.
Видение отроку
Варфоломею.
1889–1890. ГТГ

Нестеровский отрок – будущий Сергей Радонежский – получает из рук старца-черноризца частицу просфоры в знамение благодати Божией и понимание Святого Писания. Это символ духовного возрождения, воплощение надежды на будущее.

пись. Только в редчайших случаях он дает положительную оценку, и такое дело оценивается как событие. И вот среди сотен выставленных вещей он останавливается перед моими работами, восторгается, возвращается к ним несколько раз, расспрашивая об авторе, выражает желание узнать меня поближе; заявляет: «Вот какие нам художники нужны, вот подлинный художник, которого надо ценить, беречь и прочее...». Ты поймешь, как я был и глубоко тронут, и польщен таким вниманием и оценкой великого старика. Через некоторое время мне отзыв Нестерова передал один художник, близкий его знакомый и мой тоже, в беседе с которым Нестеров говорил обо мне. В общем, в конце концов наладилось свидание сегодня часов с 8:30 вечера и до половины двенадцатого. Я пришел вдвоем с упомянутым художником. Я очень волновался, когда он – невысокий худенький старичок с блестящими глазами, в черной шапочке легко вошел в гостиную и протянул мне руку с приветливой улыбкой. Сели на диван, он попросил сесть поближе, ссылаясь на свою глуховатость, и скоро завязался разговор. Михаил Васильевич много и интересно говорил, расспрашивая про мою жизнь, мои работы, планы, методы работы, очень хорошо отзываясь о «Стаде» и о «Ночном». «Купание» совсем правильно раскритиковал. Много рассказывал о себе, о своих современниках-художниках – Сурикове, Коровине, Левитане, Серове, Репи-

не, Чистякове и многих других, рисуя их часто совсем с иной, неизвестной стороны, и было странно как-то слушать и видеть этого полуполюгендарного старика, сидящего вот тут рядом, связующего, казалось, навек ушедшее прошлое, с самым настоящим, если так можно выразиться, – великого умника и высоконравственного человека, хранителя и носителя лучших традиций русского искусства, изумительного мастера, такого любезного и учтивого... Потом сидели за чаем, а разговор увлекательный, непринужденный, в высшей степени для меня интересный, все продолжался, и часы летели для меня совсем незаметно. В 11 я встал, чтобы проститься. На прощание он нам показал фото с одной свернутой в рулон картины, по правде сказать, замечательной, ряд портретов его и кое-что из вещей Поленова, Серова, Рериха, Репина и др., что висели по стенам. Потом, прощаясь, я сказал: «Михаил Васильевич, недавно была Пасха, давайте похристосуемся». Старик был очень растроган, и мы троекратно поцеловались, и еще раз поцеловались, когда я совсем уходил. Дал он мне много ценных советов, правда, таких, которым я и до этого следовать пытался, но меня это тронуло тем, что я из его уст слушал самые сокровенные мысли и радовался, что значит думаю иногда и чувствую довольно близко к правде. Получил приглашение бывать и вообще поближе сойтись».²

Пластов был у Нестерова с ху-

дожником Ф.С. Булгаковым, сыном высланного философа и священника С.Н. Булгакова. Боясь вскрытия почты, Аркадий Александрович не упоминает имени своего спутника. Позднее оно было вписано на полях оригинала сыном Пластова – Николаем Аркадьевичем.

«На днях был у меня тот, что ходил со мной к Нестерову. Старик зовет в гости, очень мной заинтересовался, говорит, что я какой-то особенный, ни на кого не похожий. Эх, Наля (Наталья Алексеевна, жена А.А. Пластова. – Прим. ред.), вот в таком бы окружении работать, рядом с такой совестью народной, как бы было полезно и душевно укрепляло бы и просветляло, а то кругом все какая-то шушера, и сам становишься пустозвонным трепачом»³.

Дальнейшим встречам художников помешала война, которая застала Пластова в Прислонихе. В январе 1942 года Пластов пишет Нестерову письмо, неожиданно эмоциональное и восторженное.

«Дорогой, милый Михаил Васильевич, здравствуйте!

Написать Вам мне хотелось давно-давно. И вот до сего времени все не хватало духа. «Почему?» – спросите Вы. Да я и сам не знаю толком, воз-

можно, и не объясню. Но о чем хочется по душам поговорить с Вами – это бесконечно много и не в письме это уложить, да и не с моим умением излагать мысли... Мне хочется увидеть Вас, чем-нибудь услужить, порадовать, обнять, крепко-крепко поцеловать душевно, со всей любовью, на какую способно мое сердце, принять от вас ласковое слово на творчество, труд, как это было весной 41 года, и через то почувствовать себя причастным чему-то невыразимо светлому, бесконечно хорошему, войти в радость прекрасного и вечного...

Милый, дорогой Михаил Васильевич, я знаю, Вы не усомнитесь в глубочайшей искренности этих слов. Я не то еще добавил бы к сему, но слаб и тускл, и косноязычен бывает язык обыкновенного человека, когда он пытается выразить сокровенные и чистейшие движения сердца своего, да еще за тысячу верст от того, к кому устремлены душевные помыслы.

Я теперь лишен возможности что-либо знать о Вас, и до какого времени? Это мне страшно, не знать о Вас, и если Вам можно и Вы меня пожалеете – черкните одну строчечку: жив, здоров...»⁴

Нестеров сразу же ответил на письмо Пластова.

«Дорогой Аркадий Александрович!

На днях я получил Ваше хорошее письмо, отвечаю, к сожалению, на него кратко, так как по своим стариковским немощам лежу в постели.

Ваше письмо столь безыскусно и ценно, как и ваши картины. Чего бы я пожелал Вам еще – это более внимательного, точного рисунка формы и еще большей согласованности Ваших тем с размером картины, так как одно вытекает из необходимости другого. Когда-то давно, когда я был молодым, такой совет мне дал покойный Крамской, и я его крепко запомнил.

У Вас есть все, чтобы быть пре-

красным художником, чтобы рассказать людям о простых вещах, поэтические, еще не сказанные никем так убедительно, правдиво подробности быта нашего народа, быть может, истории нашей. Сейчас Третьяковская галерея выпустила хорошо изданную книжку моих очерков, воспоминаний «Давние дни».

Федя (Ф.С. Булгаков. – Прим. авт.) еще в Москве, живет в казармах, изредка заходит к нам. Так через месяц он, вероятно, отправится в действующую армию.

В Москве сейчас холодно, но покойно. Желаю Вам доброго здоровья, благополучия. Желал бы еще встретиться с Вами, побеседовать о любимом нами деле.

Искренне Ваш, Мих. Нестеров.
10 февраля 1942 г.»⁵

Пластов живет с мыслью о Нестерове, обращается к его работам, особо к «Видению отроку Варфоломею» (1889–1890). Написание осенью 1942 года картины «Немец пролетел» почти мистически совпадает с уходом М.В. Нестерова – он скончался 18 октября этого года.

«Осень тогда у нас стояла тихая, золотая, удивительно душевная, теплая. Я люблю осень, всегда испытываю в это время страшно приятное особое состояние творческого возбуждения. И вот шло что-то непомерно свирепое, невыразимое по жестокости, что трудно было даже толком осмыслить и понять даже при большом усилии мысли и сердца, и что неотвратимо надвигалось на всю эту тихую, прекрасную безгрешную жизнь, ни в чем не повинную жизнь, чтобы все это безвозвратно с лица земли смести без тени милосердия вычеркнуть из жизни навек. Надо было сопротивляться, не помышляя ни о чем другом, надо было кричать во весь голос...

Надо было облик этого чудовища показать во всем его вошшошем беспощадной мести обличье. Под влиянием примерно таких мыслей и чувств, об-

щих тогда всем нам, русским, стали у меня зарождаться один за другим эскизы на данную тему, и на одном последнем варианте, показавшемся мне наиболее лаконичным и выразительным, я остановился и тотчас принялся писать подготовительные этюды. Эта предварительная работа заняла у меня недели три. Все, что изображено на картине, сделано по очень тщательным этюдам... Картина имела известный успех у зрителя. Сам я ее тоже люблю, душевно она меня очень измучила с момента ее зарождения в эскизе до ее окончательного завершения».⁶

В ноябре 1943 года полотно висело в залах советского посольства в Тегеране во время проведения совещания глав трех великих держав – СССР, США и Великобритании, где решался вопрос об открытии второго фронта.

Сразу же после решения об отправке картины в Тегеран Пластов получает заказ написать ее повторение для собрания Государственного Русского музея (Санкт-Петербург). Авторское повторение 1946 года того же названия находится в Нижне-Тагильском художественном музее. Последний, четвертый вариант этой картины был написан незадолго до смерти художника в 1972 году и хранится в семье.

Сын художника, Н.А. Пластов, вспоминал, что на одной из выставок к картине «Фашист пролетел» подошел мужчина с мальчиком – ровесником пластовского пастушонка, и ребенок, мгновенно поняв страшный смысл происходящего, задал лишь один вопрос: «За что?».

Спустя годы к этой картине обратился немецкий художник Георг Базелиц, который «интерпретировал эту известную картину А. Пластова, как бы переворачивая ее в манере, которую использует с 1960-х годов».⁷

Татьяна Пластова,

президент Фонда имени Пластова,
профессор,

заведующая кафедрой гуманитарных наук
Московского государственного
академического художественного
института имени Сурикова

¹ Морозов А.И. Подвиг и Слава. Искусство на войне // Третьяковская галерея, №1, 2010. С. 23.

² Пластов А.А. Письмо Н.А. Пластовой. 30.04.1941.

³ Пластов А.А. Письмо Н.А. Пластовой. 19.05.1941.

⁴ Пластов А.А. Письмо М.В. Нестеру. 14.01.1942.

⁵ Нестеров М.В. Письмо А.А. Пластову. 10.02.1942 // Художник. 1972. №11. С. 34.

⁶ Из письма. Цит. по: А.А. Пластов. М., 2006. С. 15.

⁷ Мильбах Ж. Проблемы изучения творчества Аркадия Пластова в западноевропейском искусствознании // Пластовская осень. Ульяновск, 2012. С. 106.

Тихая жизнь вещей. А.А. Пластов и четыре века натюрморта

Выставка из собрания Ульяновского областного
художественного музея и семьи А.А. Пластова

Весной юбилейного года народного художника СССР, лауреата Ленинской премии, академика Академии художеств СССР Аркадия Александровича Пластова в Музее изобразительного искусства XX–XXI вв., филиале Ульяновского областного художественного музея, открылась выставка натюрморта, включившая более 60 произведений живописи, графики, декоративно-прикладного искусства художников России, Голландии, Италии. Небольшое по количеству, но значительное по художественному воплощению собрание музея представляет особенности развития натюрморта на протяжении четырех столетий. В экспозицию вошли произведения, многие из которых редко показывались на выставках, а также те, чтобы были представлены впервые. Выставка стала совместным проектом Музея изобразительного искусства XX–XXI вв. и семьи А.А. Пластова. Активное участие в ее организации принял внук – Николай Николаевич Пластов.

А.А. Пластов. Цветы и мёд. 1937–1938. Собрание семьи А.А. Пластова

Открытие выставки «Тихая жизнь вещей». 2 марта 2018

Экспозиция натюрморта XX века. Собрание УОХМ

А.А.Пластов. Весенний букет. Начало 1930-х.
Собрание семьи А.А. Пластова

Обращение к этому жанру стало естественным желанием представить его в контексте развития, и, главное, при внешней занимательности показать творческие решения в изображении предмета как такового, уникальность и целостность натюрморта в искусстве великого художника-земляка.

Натюрморт – один из наиболее притягательных жанров изобразительного искусства. Известно, что предметы, окружающие человека, впервые были запечатлены в качестве самостоятельных «героев» в картинах Караваджо. Натюрморт, как самый «молодой» жанр, возник в Нидерландах в начале XVII века. Создаются разнообразные его типы, в каждом из которых был заложен внутренний смысл, открывающий новые грани быта человека. В Голландии жанр получил название *stilleven* («тихая жизнь»). Наиболее популярный «цветочный» натюрморт в экспозиции был представлен картинами неизвестного художника второй половины XVII века «Цветы и бабочки» и Давидса Хема (1663–1714) «Цветы и фрукты». «Кладовая» Филиппа Ангела (1616 – после 1683) – яркий образец «крестьянского натюрморта», в котором блеск медной утвари в затененном тесном пространстве наполняет приземленность сцены магическим вниманием.

XVIII и XIX века придали жанру новые импульсы, возможности развития в рамках определенной мотивации. Художники обращаются к новаторским приемам Шардена. Продолжателем этих традиций стал италья-

Графика художников XX века. Собрание УОХМ

нец Джузеппе Фалькетти (1843–1918), более всего любивший изображать виноградные лозы и плоды («Натюрморт с фляжкой» 1874 года). Русские художники XIX века воссоздавали так называемый «ботанический натюрморт», ярким представителем которого был И.И. Козловский (1830–?), что в полной мере отражено в «Натюрморте с тыквой, фруктами и цветами» (1858). Цветущие в саду растения – возможность соединения натюрморта с окружающей природой – следование голландцам, умевшим изображать предметы вне интерьера. «Тыква в цвету» В.М. Резанова (1829 – после 1901) – типичный тому пример. Большим мастером этого жанра был Ю.Ю. Клевер (1850–1924). В «Натюрморте со щукой» (1898) художник словно фрагментирует знаменитые «рыбные лавки» фламандских живописцев.

XX век заново открыл натюрморт, сделав его актуальным в решении задач новых реалий. Конечно, основополагающую роль в развитии жанра сыграли мастера «Мира искусства» и русского классического авангарда. Гиперболизация и в то же время уплощение формы, декоративное начало, эстетическая значимость были взяты на вооружение многими художниками XX века. В экспозиции находились натюрморты, представляющие разные периоды и творческие направления столетия: от русского символизма и кубизма, экспрессионизма и реализма. Для кого-то натюрморт в качестве «лакмусовой бумаги» отражает время жизни страны, для кого-то становится стимулом для восполнения традиций мирового искусства. Впервые из фон-

А.А. Пластов. Ирисы и сон-трава. 1914–1920.
Собрание семьи А.А. Пластова

дов музея были показаны картины В.П. Киселева (1895–1984) «Туалет» (1942), С.М. Романовича (1894–1968) «Цветы» (1960-е), Е.С. Зерновой (1900–1995) «Натюрморт. Осенние цветы и фрукты» (1988). Национальные школы советского искусства были представлены полотнами «Натюрморт с цветами» (1950) Г.М. Шегалы (1889–1956), «Веранда» (1961) Е.А. Ивановой-Эберлинг (1905–1971), «Цветы» (1964) Б.Ф. Домашникова (1924–2003), «Натюрморт. Арбуз и гранаты» (1964) Ю.М. Саркисова (род. 1928), «Латгальский натюрморт» (1986) И.А. Зарина (1929–1997).

Почему А.А. Пластов занимает особое место среди художников, отдавших большую дань этому жанру? Вероятней всего, для него определение – натюрморт – было не самоцелью, он следовал не логическим постулатам искусства прошлого. Но именно традиции, перенесенные в наше время,

были для него святы. Натюрморт воспринимался А.А. Пластовым в качестве модели универсума.

Выходя за рамки выставочного проекта, вспомним об особом чувствовании А.А. Пластовым природы предметов, которые в монументальных эпических полотнах, пейзажах, камерных портретах занимают отнюдь не подчиненное место. Они подчас становятся главными определителями сути происходящего, органично входят в их глубинное философское содержание, выводящее смыслы на новый уровень. Предметы помогают представлять все сущее в пространственном единении. Как это отражено в великих полотнах мастера! В картине «Весна» (1954) это медный таз, в котором отражаются солнечные блики, и ведро, в котором «вода черна и сладима» (О. Мандельштам). За кажущейся простотой сюжета именно эти предметы становятся опорой композиции. А центр компо-

А.А. Пластов. Лесные цветы. 1914–1920.

Собрание семьи А.А. Пластова

А.А. Пластов. Букет. 1957. Собрание семьи А.А. Пластова

зиций картин «Ужин трактористов» (1951), «Жатва» (1945), «Из прошлого» собирает в великое чувство преобразования жизненные коллизии, создавая мировой уклад Бытия. В полотне «Костер в поле» (1968–1969, УОХМ) гора собранной картошки, занявшая в картине значительное место, замыкает композицию и одновременно открывает иную – символическую ее жизнь. Как точен Пластов в деталях! Деловито и аккуратно составлены в ведро бидон и кружка, ведь люди хорошо знают цену этому нехитрому и постоянно нужному скарбу.

В натюрмортах художника главный смысл, суть естественно и органично изображенных предметов – непрекращающаяся жизнь, меняющая формы, иногда свои физические качества, но никогда не теряющие нить и обыденного, и былинного существования. В картинах из собрания семьи А.А. Пластова «Натюрморт с юга» (1936–1937), «Белый хлеб» (1930-е), «Цветы и мед» (1937–1938), «Букет» (1957), написанных широко, пастозно, все пронизано гимном и жизни, и живописи.

В ранних рисунках А.А. Пластова 1914–1920 годов «Лесные цветы», «Букет с купавками», «Ирисы и сон-трава» (также из собрания семьи художника) нашли отражения принципы особого подхода к графическому искусству художников творческого объединения «Мир искусства». Поражает изысканность и утонченность,

естественность и завершенность композиций, созданных словно на одном дыхании. Представленные в экспозиции графические работы младших представителей объединения «Мир искусства» Д.И. Митрохина (1883–1973), Е.С. Кругликовой (1865–1942), С.В. Чехонина (1878–1937) создают непрерываемое единение мастеров русского искусства начала XX века. Близость акварелей «Весенний букет» и «Лесные цветы в стеклянном кувшине» (начало 1930-х, собрание семьи А.А. Пластова) работам Е.А. Кибрика (1906–1978) и А.В. Ленгулова (1882–1943) – это великое сотворчество художников. В экспозиции выставки, которая для многих стала откровением, произведения А.А. Пластова, его предшественников, современников рассматривались в неразрывном единстве мирового творчества. При всем многообразии художественных решений А.А. Пластов умел соединить все эти великие качества в единую гармоническую основу, возвращая жанру его первоначальное название и смысл – «тихая жизнь вещей».

Елена Сергеева,
искусствовед,
зав. музеем изобразительного
искусства XX – XXI вв.

А.А. Пластов. Натюрморт с юга. 1936–1937.
Собрание семьи А.А. Пластова

Картины А.А. Пластова и художников XX века

Потаённый Пластов

Для проникновения в творчество А.А. Пластова существенно важно понятие «народ», вокруг которого, как идеократического стержня, полтора столетия (от «великих реформ» и до конца XX века) сосредотачивались социальные напряжения, формовавшие почвенную, национально самодостаточную культуру. Почвенничество широким охватом вбирает «передвижническую» обостренную совесть, и непосильный маломерному интеллектуализму суриковский эпический трагизм, и колористический пейзажный пантеизм московской школы живописи. А.А. Пластов, наследуя, итожит предшествующие традиции, придает им новую жизнь, сверхчутко отзываясь на тектонику катастрофическо-титанической эпохи, творит современное искусство от имени немотствующего, перемалываемого, казавшегося вечным крестьянства.

Аркадий Пластов пережил судьбу русского крестьянства и ушел из жизни за три десятка лет до практически полного исчезновения корневого быта и уклада. Потому, обращаясь к творчеству Пластова, пытаюсь уразуметь и прочувствовать оставленное наследие, понимаешь, что его нужно смотреть крестьянскими, народными глазами, без уверенности, что сохранился подобный полноценный взгляд, но в любом случае, смиряясь перед его утрачиваемым превосходством. [...] Многие в пластовом творчестве остаются недоизученным, недоосмысленным, а порой и просто неизвестным. В последнее десятилетие, благодаря наследникам Аркадия Пластова, открылись две потаенные темы – церковно-религиозная и внешне ей противоречащая «антично»-пантеистическая. [...]

Церковные сюжеты великолепия живописи свидетельствуют трагизм гонений и сокрушений русской церкви. Свидетельствуют не столько внешне повествовательно, сколько подспудно. Как в роскошествах «Сенокоса» (1945) скрыта беда, поставившая в ряд косяков стариков, баб да малолеток, напоминая о войне, выкосившей крепких молодых и зрелых мужиков – опоры обреченно не поднявшегося крестьянского мира («Жатва». 1945; «Трактористки». 1943–1944), так и церковный мир бережется-спасается женщинами да стариками, редко стон верными, прошедшими немислимые гонения священниками. Но и в этом мире нет крепких и зрелых мужиков. Причина не только в войне, а в текто-

Разрушение церкви в селе Прислониха. 1937

А.А. Пластов. В старой Прислонихе. Слепые. 1966–1968. Собрание семьи А.А. Пластова

ническом сдвиге эпохи, всколыхнувшем неверие. [...]

Фиксируя воцерковленность А.А. Пластова, [...] нашедшую воплощение в «потаенном» церковном цикле, решаешься обозначить некие парадоксальности, усложняющие понимание пути художника в обращении к духовному. Обратимся к биографии, к упоминаниям, что в роду А.А. Пластова были священники и иконописцы, строители и благоуукрашатели храма в Прислонихе, что пять лет юный Пластов учился в духовном училище и четыре в духовной семинарии, готовясь к священническому служению. Из этих обстоятельств наш современник, далекий от реалий церковной и церковно-учебной жизни конца XIX – начала XX века, может сделать прямой вывод об изначально-глубинной воцерковленности, нашедшей отражение в работах «потаенного» цикла. Но большая внимательность к немногочисленным опубликованным свидетельствам заставляет усомниться в подобной однозначности. [...]

Акварель, гуаши писались сразу по возвращении с церковных служб. «Венчание» (1960-е), «Свадьба в старой Прислонихе» (1968) – память о собственном венчании в Германовском храме Симбирска и об уже к моменту создания картины окончательно разрушенной церкви (в Прислонихе. – Прим. ред.). Естественным подспорьем служила изученность рукой, глазом пластики и обличья русских людей в их «трудах и днях». Но вот сам образ церковного служения доносился в мастерскую как свеча в пасхальную ночь. Основа большинства церковных композиций – образ света. Света не только наблюденного, «свечного», но света, одолевающего мрак (вспоминается определение «фаворского света» Св. Григорием Паламой – «сверхсветлая тьма»). В какой-то мере церковные композиции А.А. Пластова являются чистым воплощением «идей», живших в душе лишь одного художника – ведь никто из талантливых современников не обращался к ним напрямую в 1940-50-е годы. А.А. Пластов оставался последним звеном, соединяющим церковные сюжеты в дореволюционном искусстве с современной нам тематикой, возродившейся в конце 1960-х – начале 70-х, вернее, принятой, как теперь очевидно, из холодеющих рук уходящего великого художника. [...]

Обратим внимание на холст «Рисующий у окна. (Портрет сына)» (1945), напрямую вроде как не связан

А.А. Пластов. Трактористки. 1943–1944. Собрание семьи А.А. Пластова

А.А. Пластов. Бабье лето. 1970–1971. Саратовский ГХМ им. А.Н. Радищева

А.А. Пластов. Слепые. Середина 1950-х – 1967. Собрание семьи А.А. Пластова

А.А. Пластов. День Фрола и Лавра. 1915–1920. Собрание семьи А.А. Пластова

А.А. Пластов. Венчание. 1960-е. Собрание семьи А.А. Пластова

А.А. Пластов. Свадьба в старой Прислонихе. 1968. Собрание семьи А.А. Пластова

ный с потаенным циклом. Попытаемся рассмотреть некоторые скрытые в нем смыслы. Любуясь живописными достоинствами, не сразу задаешься вопросом – а что же копирует пятнадцатилетний Николай Пластов? Вернее, каждый, мало-мальски интересующийся древнерусским искусством, сразу же узнает на репродукции в книге новгородскую краснофонную икону «Илья Пророк» начала XV века. Копирует же юноша из, пожалуй, первого значимого издания по древней иконописи, с первоклассной репродукционной печатью из третьего тома выпусков сборников «Русская икона», изданных товариществом Р. Голике и А. Вильборг в Петрограде в 1914 году. [...].

Для разумения крестьянской «русской веры» решаешь обратиться внимание на две картины, объединенные не только тематически, но и хронологически. «В старой Прислонихе. Слепые» (1966–1968) – обращение и к личной памяти, и к многочисленным этносоциальным исследованиям XIX века, классифицировавшим виды странничества, и к русской литературе – от радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву» со слепцом, поющим столь любимый в народе духовный стих об Алексии-человеке Божьем, до «Очарованного странника» Н.С. Лескова, до правдолюбцев из «Кому на Руси жить хорошо» Н.А. Некрасова. Этот холст генетически и стилистически связан с иллюстративными циклами русской прозы и поэзии, над которыми многие годы трудился, размышлял А.А. Пластов. Сложнее понять слепцов («Слепые», середина 1950-х – 1967), бредущих по накатано-прочерченной дороге с

одиноким электрическим столбом в ясный, ветреный день. [...] Слепцов-странников А.А. Пластов пишет, приближаясь к «земному рубежу», в осеннюю патриаршую пору, открывающую человеку потаенные смыслы, наделяя умиротворенной мудростью. [...]

Как тут не вспомнить последний этюд, написанный А.А. Пластовым 5 мая 1972 года, и «Бабье лето» 1971 года. Исчезло, искоренено, паспортизировано странничество, исчезло вместе с крестьянской Россией. Пластов фиксирует, документирует уход, и нам уже не ясен смысл, для восстановления которого, как и иных утрачиваемых, но существенных для понимания корневых основ национальной жизни, необходимо чтение конгениальных А.А. Пластову писателей-современников, вслушивание в музыку конгениальных современников-композиторов. [...]

Для завершения темы «русской веры» важны родовые воспоминания о разграблении-осквернении церкви в Прислонихе. [...]

Сын А.А. Пластова Николай Аркадьевич вспоминал врезавшееся из детства 1937 года: «Мальчонкой лет шести [...] держась за складки бабушкиного сарафана, стоял я в толпе перед расхлестнутыми воротами церковной ограды. Прямо под ноги нам, сверкающе и нарядно, выбрасывались из церк-

ви иконы, литые завитки паникадил, коричневые кожаные книги с медными застёжками. Иные при ударе раскрывались, и слышно было, как ветерок шелестит-перебирает древние страницы с киноварью инициалов и чернью уставного письма. По разбегавшимся доскам икон прыгал Хромец-активист [...] Кирпичные столбы ограды были разобраны по баням на печки. Туда же тащили рулонами сорванные со стен прадедовы библейские композиции» (Т. Пластова. Аркадий Пластов. Православные истоки творчества // ж. «Русское искусство», № IV, 2004.)

Сопоставим со строками «Пирамиды» Л.М. Леонова: «Одна из страниц или бродяжка беспамятная, которых к тому времени вывели на Руси, бесстрашно опустившись ... стояла на коленях, словно на себя принимала великий грех сограждан, безучастно следящих за ходом событий, она не плакала, не молилась, лишь прощалась со своим старым русским Богом, с буднями и праздниками отжитой истории...

А.А. Пластов.
Рисующий у окна. Портрет сына. 1945.
Собрание семьи А.А. Пластова

Сергей Гавриляченко,
секретарь ВТОО
«Союз художников России»,
народный художник РФ,
профессор

Фото из архива семьи А.А. Пластова
Полный текст статьи читайте на сайте:
www.bogoslov.ru

А.А. Пластов. Сенокос. 1945. ГТГ

Костёр в поле

Картину «Костёр в поле», написанную Аркадием Пластовым в 1969 году, отличают дерзкая живопись, дерзновенный замысел. Это подлинная феерия цвета и света при простом сюжете. Школьники освятили занятия, и целый день они собирали картофель на колхозном поле. Под быстрыми детскими руками вырастали в разных концах поля многоцветные груды картофеля. А теперь настал вечер. Круглая розовая луна взошла на густом синем небе. В необъяснимо прекрасный бархатный цвет окрасилось опустевшее поле с пожелтой засыхающей ботвой.

Машины развозят людей по домам. Вожатая собрала детей. В темном воздухе горят, как самоцветные камни, яркие цвета их одежд. Далеко на горизонте мы видим силуэты лошадей с телегами и крошечную фигурку жеребенка. А на переднем плане – костер. Дымно горит полусухая ботва.

Из-под белой вуали дыма с трудом прорываются желтые, алые, оранжевые языки пламени. Фигура стоящей девушки окутана дымом костра, как цыганской шалью. И пленительно ярко освещены лица сидящих у костра детей.

Как всегда точен Пластов в деталях. Деловито и аккуратно сложены в ведро бидон и кружка – люди хорошо знают цену этому нехитрому и постоянно нужному скарбу. Художник стро-

Картина вобрала в себя основные темы творчества Пластова. Она посвящена сельскому труду и детям, в ней большую роль играет пейзаж и натюрморт – груда собранной картошки. Эта гора, занявшая в картине значительное место, замыкает композицию и одновременно открывает иную ее – символическую жизнь. Пластов в одном из писем упоминал о зрелище, которое его всегда приводит в восторг при уборке картофеля, «когда распахнутая лемехом земля вдруг явит доселе скрытые перламутровые плоды...».

На картине изображена учительница биологии и химии Антонина Федоровна Тоньшина, которая 13 лет была директором в сельской школе села Прислониха.

ит композицию так, что изображение кажется частью какой-то большой картины мира. Подобное пантеистическое ощущение жизни вообще характерно для мировосприятия Пластова. «Все напоено милой жизнью» – эти слова Пластова как нельзя больше подходят к картине «Костёр в поле». Картина колоритна, празднична, сказочна. Она – как памятник прекрасному труду.

Образная конструкция картины, которая включает и выбор формата полотна, и композиционно-цветовое построение, сообщила внутреннюю универсальность конкретному эпизоду полевых работ и позволила взглянуть с широкой, народной позиции на красоту и величие человеческого труда.

Татьяна Верещагина,

научный сотрудник
Ульяновского областного
художественного музея (с 1975),
директор музея (2001–2008),
заведующая Музеем А.А. Пластова
(2008–2013)

«Я люблю крестьянина за его сложный и благородный труд...»

Творчество Аркадия Александровича Пластова (1893-1972) посвящено русскому крестьянскому миру. «Дары земли, творенье крестьянских рук, все семейство «братьев наших меньших», близкое к дому человеческому, все, что дает нам кров и пищу, чем богата земля-кормилица – все живет и дышит под вдохновенной кистью художника. И ощущаешь запахи парной земли, свежеспеченного хлеба и полевых цветов, зной лета и прохладу родниковой воды, слышится мычание и блеяние стада, шорох спеющих злаков, шелест листвы» – это впечатление заслуженного художника РСФСР Ивана Васильевича Лежнина (1924–2002) от картин Пластова, характеризует основную цель искусства живописца – утвердить важность крестьянского труда, несмотря на политические и экономические изменения в стране, на господствующую моду и меняющиеся общественные тренды.

Для Пластова никогда не стоял вопрос о значимости крестьянского мира для огромной страны. В 1961 году в статье «Мои герои» для газеты «Известия» Аркадий Александрович писал: «Я люблю крестьянина за его сложный и благородный труд, результаты которого так важны для всех. У него ясность необыкновенная, что делаешь, зачем живешь. Необходимость и значительность его труда так неоспоримы, что никогда ему не жалко класть в свой труд все силы, сделать дело как можно лучше».

Пластов потому говорил о важности крестьянства, так как изнутри знал крестьянскую жизнь, познал тяготы, невзгоды, скромные радости, увидел невероятную силу и упорство русского крестьянина. В автобиографии Аркадий Александрович написал, как и почему он, художник, зажил крестьянской жизнью в Прислонихе. Круто изменил его судьбу революционный 1917 год. Пластов, в то время студент Московского училища живописи, ваяния и зодчества, хотел поступать в Академию художеств в Петроград. Однако революционные события прервали его учебу в Москве. Он был молод, полон сил и амбициозных замыслов, однако первопрестольную вынужден был сменить на родное село в Симбирской губернии.

Художник впоследствии писал, что не поддавался унынию, наоборот, нашел для себя положительные моменты в таком повороте событий. «В деревне был избран членом сельского совета и секретарем. В числе прочих безземельных я был награжден землей. Так я заделался пахарем, косцом, жнецом и т.п. Все эти сельские профессии я немножко знал и раньше, а тут пришлось их осваивать вплотную. Работая изо дня в день крестьянином, я полагал, что это самый лучший случай, какой судьба предоставила мне взглядеться на крестьянскую жизнь досыта, узнать

ее до последней мелочи, чтобы потом уже без всяких усилий и заминок воспроизводить ее. Скоро в одном лице я соединил в себе секретарство в комбед, в помголе (помощь голодающим. – Прим. авт.), в разных обследовательских комиссиях и т.д., наглядился всего худого и доброго. Завожу книжки по ветеринарии. Да и сейчас ко мне бегут, если что случится со скотиной». (Автобиография была написана в конце 1940-х годов).

Пластов был своим для крестьян и пользовался уважением, но не только из-за общественно-государственного признания художественного мастерства, наград, званий, Пластов в первую очередь для односельчан был заботливым хозяином, принимавшим деятельное участие в сельской жизни. Об этом свидетельствуют и воспоминания близкого друга и ученика Аркадия Пластова заслуженного художника РСФСР Виктора Васильевича Киселева (1907–1985). Виктор Васильевич писал: «Когда я пришел к Аркадию Александровичу в 1924 году учеником, ему шел 31-й год, был он еще неженатым, молодым, сильным физически, энергичным. Жил с матерью Ольгой Ивановной. Было у них небольшое хозяйство: корова, овцы, земли на две души. Лошади не было, и пахать он нанимал, остальную обработку земли производил сам. Жать серпом – не знаю, мог ли, наверное, мог, но косец был отменный. Поэтому весь хлеб убирал косой, а Ольга Ивановна вязала снопы. Хозяин он был хороший, аккуратный: мог плотничать, столярничать, а стога сена метал мастерски. Мужики его уважали и охотно брали в свою артель косцов. [...] С селом он жил единой жизнью. Пользовался в нем абсолютным авторитетом. Он был ядром села».

Следует подчеркнуть, что в победном 1945 году художник написал картину «Сенокос», где сумел передать невероятную красоту и вдохновение сельского труда. За картины

А.А. Пластов. Пастух. 1967. УОХМ

А.А. Пластов. Жница. 1933–1935. УОХМ

«Сенокос» и «Жатва» 1945 года наш земляк получил Сталинскую премию первой степени.

О том, что Аркадий Александрович мастерски метал стога сена, написал для книги воспоминаний «Мои встречи с Пластовым» И.В. Лежнин, который однажды в 1960-х годах увидел уже немолодого живописца за этим трудом. «Вхожу во двор, а там не до меня – сено мечут на сеновал.

Сам Аркадий Александрович, проворно работая вилами наверху, принимает, а Катя (нянька Катя – Екатерина Васильевна Шарымова. – **Прим. авт.**), сноха Лена (Елена Николаевна Холодилина. – **Прим. авт.**) и какая-то соседка снизу подают ему одна за другой душистою ношу. Я хотел было незаметно уйти, не мешать людям. Но Аркадий Александрович, завидя меня, зовет: «Проходите-проходите...». И как бы извиняясь, продолжает, не бросая работу: «Я уж спускаться к вам не буду. Надо спешить, а то не ровен час – дождь... И сено, считай, погубило». [...] Нельзя было не залюбоваться его сноровкой в крестьянском деле, какой-то удивительной одержимостью и вдохновением. В темном провале сеновала его статная фигура казалась мне символическим воплощением неутомимости и русского трудолюбия. Подумалось, вот бы кинохронику-то сюда, с моей точки, где сижу. Кадры были бы поистине уникальны».

Во дворе Пластовых был красивый сад. Немаловажную роль в его обустройстве сыграла Софья Васильевна фон Вик – теща Аркадия Пластова. Вскоре после смерти своего мужа, бывшего дворянина Алексея Николаевича фон Вика, в 1933 году она переехала в Прислониху к дочери Наталье – жене Аркадия Александровича, где и прожила до 1947 года. Татьяна Юрьевна Пластова отмечала, что в саду рос-

ли яблони, вишни, заросли сирени и цветы: ирисы, лилии, астры, розы, циннии. «За ними ухаживала мать жены художника – Софья Васильевна фон Вик, сумевшая привнести в скудный деревенский быт семьи красоту и поэзию дворянской усадьбы».

Конечно, ценителем природной красоты был и сам Аркадий Александрович. Природу он поэтизировал. В.В. Киселев по этому поводу вспоминал: «Меня часто спрашивают: «Вот вы много ходили с Аркадием Александровичем по полям и лесам, о чем вы говорили?» – «Родовались, – говорю, – вместе радовались красоте, окружающей нас». Идем, например, по вьющейся на изволок дорожке среди светло-зеленой выколосившейся ржи. Золотые соцветия попыхивают там и сям нежной пыльцой, разнося ее легкой дымкой по расстилающемуся полю. О чем тут говорить? Смотри, радуйся этой любви юной ржи. Шли очарованные, восхищаясь ее красотой, подсаживая друг другу: смотри, смотри! А у самих душа замирает. Всегда провожали мы друг друга по нашей дороге и досыта не могли нарадоваться и наглядеться на наши леса и поля, поляны и перелески, на попадающихся косцов, на их веселый труд».

У Пластова восторженное восприятие окружающего мира соединилось с крестьянской практичностью и хозяйственностью. Когда к Аркадию

А.А. Пластов.
Портрет няни Кати. 1968–1970.
УОХМ

А.А. Пластов.
Хлеба и небо. 1950-е. УОХМ

Александровичу приезжали представители областного и партийного руководства, он не забывал их спрашивать о состоянии дел в сельском хозяйстве. Владимир Николаевич Сверкалов (1926–2005) отмечал, что работая секретарем Ульяновского обкома КПСС, часто встречался с живописцем. «Он всегда искренне интересовался, – писал Сверкалов, – как прошел сев, какой собран урожай, какие хлеба удались лучше – озимые или яровые, как обстоят дела с надоями. Очень сожалел, что в области плохо с овцеводством. Меня это всегда удивляло и восхищало в Аркадии Александровиче. Великий человек, академик, народный художник жил интересами деревни, и я восхищался этим его даром».

Следуя исконной русской народной традиции, Пластов был гостеприимен. И надо сказать, что во многих воспоминаниях остались свидетельства о том, что любых гостей в доме художника встречали хлебосольно. Накрывался стол с яствами домашнего приготовления, с самоваром посередине. На столе было то, что выращивалось в огороде, в саду, собиралось в лесу. Настоящая русская деревенская

еда. Картошка-пюре, сделанная со сливками и маленькими, тающими во рту котлетками. Многими отмечались превосходные соленья: огурчики, помидоры. Грибы: соленые хрустящие грузди, маринованные маслята, белые маринованные грибы в сметане. Квашеная капуста, сало. К столу подавались пироги, приготовленные в русской печи, для желающих – квас, рецепт которого знала только няня Катя, или домашнее коровье молоко. Как писал И.В. Лежнин: «Кто сидел хотя бы однажды за пластовским столом, познал вкус наилучшей приправы ко всему, что называется радушие».

Представляется актуальным, чтобы музей-заповедник в Прислонихе в будущем не только популяризировал мемориальное историко-художественное наследие Пластова, но при наличии соответствующей материально-технической сельскохозяйственной базы мог развивать агротуризм, так как и биография художника, и его творчество связаны с русским крестьянским миром.

Антон Долматов,
старший научный сотрудник Музея
А.А. Пластова
Фото из архива семьи Пластовых

«Меня, Воспоминания жителей села Прислониха об А.А. Пластове помню, рисовал в блокнот...»

Небольшое село Прислониха Карсунского района Ульяновской области известно многим по картинам художника Аркадия Пластова. Кисть мастера показала миру место, где он родился и вырос, красоту села, бытего обитателей. Вглядываясь в беззаботные ребяческие или утомленные крестьянским трудом взрослые лица героев полотен Пластова, понимаешь, насколько они близки, знакомы. В этих картинах – душа русского крестьянства XX века. Почти в каждом прислонихинском доме живут или жили те, кто в свое время позировал Пластову. «Мономах» публикует воспоминания жителей Прислонихи об их земляке.

А.А. Пластов. Валя Тоньшина. 1967. УОХМ

Однажды мы поехали в город встречать с поезда Аркадия Александровича. За рулем мой муж Александр Тоньшин, в машине я была и няня Катя (няня Катя – Екатерина Васильевна Шарымова). На обратном пути Пластов спросил меня: «Вы любите природу?». «Как же это я не люблю, – отвечаю, – когда я агроном и тем более биолог». Проезжаем тагайский лес в том месте, где много берез, а только дождь прошел. Пластов говорит: «Как думаете: какого цвета березы?». Мы называли цвета, но не отгадали. А он: «Да вы посмотрите внимательно, они же розовые!». И правда, розоватые. А я, например, думала – белые.

Незадолго до смерти художника мы были у Пластовых. Аркадий Александрович лежал на кровати, рядом с ним сидел его сын Николай. О чем-то разговаривали, вдруг Аркадий Александрович обратился к моему мужу: «Александр Иванович, отживаю я последние копейки». Вскоре он умер.

Антонина Тоньшина

А.А. Пластов. Нюра Лобанова. 1950-е. УОХМ

А.А. Пластов. Подпасок (Н. Лобанов). 1957. УОХМ

А.А. Пластов. Жница с кувшином. 1933–1935. УОХМ

Моих бабушку и деда писал Аркадий Александрович. Дед Модонов Иван Матвеевич (1907 г. р.) пропал без вести на финской войне. Бабушка Модонова Александра Егоровна (1909–1989) была вхожа в семью Пластовых. Тетки мои Нюся и Клавдия, дяди Валентин и Анатолий натурщиками были у Аркадия Александровича. Портреты их есть в картине «Родник» (Клавдия), «Дети» (Анатолий). Меня, помню, рисовал в блокнот, где была их баня на речке. Я стоял на одной ноге, в руке держал решето и разглядывал огольцов. За это он мне дал рубль. Вот еще помню, приехали к нам в Прислониху кино снимать. Дядя Аркаша нам, мальчишкам, сказал одеться в чистые рубашки и приходите к его дому, будет рисовать. А друг наш, Санька Гусенков, не знал об этом, увидел нас около дома Пластова и прибежал к нам взлохмаченный и в грязной косоворотке. Аркадий Александрович как его увидел, позвал и рисовал только его. А потом в местном клубе нам показывали этот фильм.

Иван Модонов

Позировал в пальто, воротник цигейковый. Шапку держал в руке. Позировал три сеанса. Пластов расспрашивал о здоровье отца и матери. Отдыхая, я ходил по мастерской, рассматривал картины. Аркадий Александрович давал посмотреть альбом с рисунками своими. Окончив работу, он никогда меня «пустого» не провожал: давал деньги, тройку или пятерку, кормил меня.

Сергей Гундоров

А.А. Пластов. М.Л. Янов. 1933–1935. УОХМ

А.А. Пластов. Серёжа Гундоров. 1966. УОХМ

В семье нас было пятеро детей (четыре брата и сестра Люба). Сестру Любу Пластов писал, есть портрет ее «Люба Яшина» (Яшина уличная фамилия). А нас, мальчишек, много рисовал в блокнот своей. То мы в речке купаем лошадей, то сено переворачиваем. Аркадия Александровича хорошо помню. Мне не раз приходилось на лошади ездить в Майну на станцию за ним или отвозить его к поезду в Москву. Из дома он выходил в теплых ватных брюках, тулупе. В Майне у станции был небольшой дом, в котором он переодевался. Аркадий Александрович складывал вещи в мешок, и я их привозил няне Кате. Она мне за это давала рубль и большой кусок пирога. Помню сенокос: мы с Николаем Аркадьевичем подавали большими деревянными вилами сено, а Елена Николаевна с няней Катей складывали его на сушилках. Тяжелый труд был наверху, где женщины работали. Они часто нам кричали: «Передых, передых». Наша семья брала в долг у Пластовых деньги, чтобы купить корову. Пришло время расплачиваться, а мама не смогла собрать целиком сумму, но няня Катя подсказала: «Подойди к Аркадию и скажи ему это». Так она и сделала. Аркадий Александрович сказал ей: «Ничего, ничего, Прасковья, как получится, так и отдашь». Он очень любил честность.

Александр Карпухин

Моя мама Янова Мария Федоровна рассказывала, что Аркадий Александрович дружил с моим дедом Тоньшиным Федором. Он писал его в картине «Гость с фронта», «Сенокос», есть портрет. Пластов о нем говорил: «В лице этого человека светится только доброта». Сестра Рая и брат Иван написаны в грузовой машине в картине «Дети». Я с трепетом и волнением в сердце вспоминаю их, удивительные все-таки люди Пластовы. Я горжусь, что я их землячка.

Анна Гундрова (Янова)

Воспоминания записали:

Антонина Романова,

научный сотрудник Историко-художественного музея-заповедника «Прислониха – родина А.А. Пластова»,

Ирина Обухова,

заведующая Музеем А.А. Пластова, искусствовед, кандидат филологических наук,

Виктор Крапивин,

заведующий (1988–1996) филиалом Ульяновского областного художественного музея – музеем

«Усадьба народного художника СССР А.А. Пластова»

Дети

В ряду известных работ собрания Ульяновского областного художественного музея особым вниманием достойна картина «Дети» (1950), которая за годы бытования в экспозиции сменила не одно название: «Радость колхозной жизни», «В летние лагеря», «Дети на прогулке». По количеству детских персонажей ее превосходит только раннее полотно Платова «Колхозный праздник».

В картине «Дети» художнику удалось соединить два любимых образа: цветущей природы и юности. Сравнивая ребятшек с полевыми цветами, которые свободно растут на открытом свежем воздухе, он вопрошал: «Как описать их прелесть? В детском лице на открытом воздухе – ясность, свежесть цвета, приближающаяся по красоте к звукам. Писать ребятшек – одно наслаждение...»

Девочки изображены художником с букетами цветов и ягодами – символами гармонии человека с миром, у мальчиков в руках – реалии советской эпохи: горн, барабан, фотоаппарат. По верному замечанию известного исследователя творчества Платова академика В.А. Леняшина, эти и им подобные детали вносили ноту современности в традиционный сюжет.

За рулем сын Аркадия Аркадьевича Пластова – Николай (1930–2000). Заслуженный художник России. В 1988 году принимал участие в организации музея «Усадьба народного художника СССР А.А. Пластова» в с. Прислониха. С 1989 года занимался восстановлением Богоявленской церкви села, разрабатывал ее иконостас и интерьеры, изготавливал убранство, участвовал в подготовке работ о произведениях А.А. Пластова.

А.А. Пластов. Дети. 1950. УОХМ

Кисть Пластова в картине «Дети» стремительна и эскизна. По мнению американского исследователя, лауреата Международной премии в области изобразительного искусства имени А.А. Пластова в номинации «Традиции и новации» Верна Свенсона, художнику характерна импрессионистичность, которая как нельзя лучше способна отразить внутреннее состояние ребенка – чувство свободы, легкости. Интересно, что первые свои

предположения арт-директор Музея искусств города Спрингвилла сделал, анализируя этюд Пластова к картине «Дети» – парный портрет Вали Боблевой и Вали Модоновой (США, собрание Gandon). В своем исследовании Soviet Impressionist Painting Hardcover Свенсон приближает Пластова по восприятию природы и предмета в своем творчестве к представителям русского импрессионизма.

О том, кто послужил прототипом каждого персонажа, подробно написано в каталоге собрания работ

А.А. Пластова в коллекции Ульяновского областного художественного музея (2016), подготовленном О.А. Королевой, М.А. Калиновой, Т.Ю. и Н.Н. Пластовыми. Однако там не упоминаются предметы, сопровождающие героев. В данном случае – это цветы и реалии советского времени. Дети держат букеты, машина, на которой ребята едут в пионерский лагерь, украшена березовыми ветками. Т.Ю. Пластова, отмечая особую любовь Аркадия Александровича к травам и цветам, писала, что они «вы-

А.А. Пластов. Коля Лисанин.
Этюд к картине «Дети». 1950. УОХМ

А.А. Пластов. Рая Кондратьева.
Этюд к картине «Дети». 1950. УОХМ

А.А. Пластов. Тося Шарымова.
Этюд к картине «Дети». УОХМ

А.А. Пластов. Коля Лобанов.
Этюд к картине «Дети». 1950. УОХМ

А.А. Пластов.
Колька Лобанов (Лисанин).
Этюд к картине «Дети». 1950. УОХМ

А.А. Пластов.
Девочка в красном платке.
Этюд к картине «Дети». 1950. УОХМ

ступают семантически значимой деталью» каждого полотна художника.

Это дало повод некоторым исследователям соотнести поездку ребят в пионерский лагерь, изображенную в картине «Дети», со временем православного праздника Троицы. Ученик Пластова В.В. Киселев вспоминал, что на Троицу Пластовы семьей приезжали к нему в Комаровку на украшенной березовыми ветками телеге с громадным букетом разнообразных цветов.

Цветочное убранство образует на полотне «Дети» четкие горизонтальную и вертикальную оси, которые собирают многофигурную сцену, придавая ей цельность и особую торжественность. Портрет Сталина, венчающий вертикаль, выполнен на красном праздничном фоне и убран цветами, над ним развевается алое знамя, завершающее композицию.

Как считают современные исследователи, сегодня портрет Сталина стал знаком, необходимым зрителю для соотнесения сюжета со временем повествования картины.

Ирина Обухова,
заведующая Музеем А.А. Пластова,
искусствовед,
кандидат филологических наук

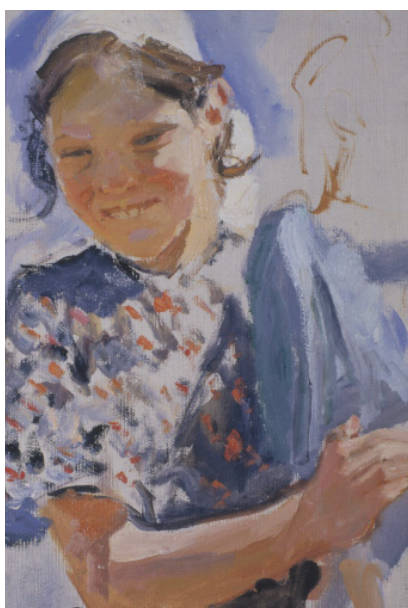
А.А. Пластов.
Девочка Павлова.
Этюд к картине «Дети». 1950. УОХМ

А.А. Пластов. Летний пейзаж. Этуд к картине «Дети». 1950. УОХМ

А.А. Пластов. Ваня и Гена. Этуд к картине «Дети». 1950. УОХМ

А.А. Пластов. Шура Волкова. Этуд к картине «Дети». 1950. УОХМ

А.А. Пластов. Витя Карпунин. Этуд к картине «Дети». 1950. УОХМ

На картинах Аркадия Александровича Пластова можно увидеть изображения разнообразных произведений русского народного искусства. Это и понятно – автор был певцом крестьянского быта, любил его и всячески воспевал. Он писал стихию народной жизни, а она, по словам В. Белова, «необъятна и ни с чем несоизмерима». Его полотна отличаются стремлением к безыскусности и простоте, адекватными бытию простого народа, окружавшего его в родной Прислонихе. Жизнь деревни, труд и быт ее жителей, их горе и радости на протяжении многих лет составляли содержание творчества великого советского живописца. В его картинах все «о ладе, а не о разладе крестьянской жизни». (В. Белов).

*А ты всё та же – лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...*

*И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснёт в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка...*

А. Блок

Пластовский платок

Завязанный как косынка с узлом на затылке, платок Танёги, благодаря ряду обстоятельств, вошел в историю. Изображая простую русскую крестьянку, будущую женщину-мать на фоне богородичных икон, художник поднимает этот образ до поистине вселенских масштабов, развивая и продолжая вечную тему материнства, внося в нее свое понимание и звучание. И павловский платок здесь в унисон с ярким праздничным колоритом портрета становится своеобразной короной, венчающей женскую голову, охранительным символом.

А.А. Пластов. Татьяна Юдашнова (Танёга). 1934–1935. Собрание семьи А.А. Пластова

Татьяна Павловна Сухаревская родилась в 1967 году в Арзамасе-16 Горьковской области (ныне город Саров Нижегородской области) в семье научных работников. С детства она любила рисовать, училась в детской художественной школе. Художественное образование получила в Московском художественно-промышленном училище им. М.И. Калинина, по окончании которого в 1987 году пришла на Павловопосадскую фабрику.

Т.П. Сухаревская – член Союза художников России, Союза дизайнеров Москвы, Союза дизайнеров России, творческой комиссии Секретариата СХР по работе с молодыми художниками. Ее выставочная деятельность началась в 1987 году. С тех пор она постоянный участник всероссийских, международных, промышленных выставок. В 2000 году в составе творческой группы художников и разработчиков Т.П. Сухаревская получила Государственную премию в области литературы и искусства за 1999 год. Она также награждена Золотой медалью СХР. Художница бережно сохраняет традиции создания павловопосадского платка, ее произведения отличаются оригинальностью композиций и яркостью колористического звучания. Большое место в ее творчестве занимает восстановление старых платков и шалей: «Драгоценная», «Круги», «Медальоны», «Восточная птица», «Посадский», «Сельби», «Свадебные ленты», «Роза Востока». В ряду произведений Сухаревской важное место занимает и упомянутый платок «Татьяна», который, хоть и косвенно, сделал творчество одного художника сопричастным творчеству другого, жившего несколько десятилетий назад. Таким образом, он стал живым символом связи художественных поколений, передающих друг другу живую нить преемственности.

Крынка с молоком в руках мальчика, деревянные ложки и глиняная миска в «Жатве» (1947), глиняный кувшин в портрете «Жнец» (1951–1952), плетеная корзина в картине «Летом» (1954), деревянная колыбель, кадка и глиняная миска в картине «Из прошлого» (1979–1970), плетеная корзина на холсте «Солнышко» (1965–1966), платки на двойном портрете «Бабушка Катерина с Таней Юдиной» (1960), «Девушка с граблями» (1957) – все это незамысловатые, но при этом аутентичные предметы, созданные гением русского народа. Из дерева и глины, металла и кости, кожи и соломы, ткани и шерсти он создавал шедевры, используя резьбу, роспись, лепку, гончарство, плетение.

Изображения этих знаковых вещей, буквально рассыпанные по картинам Пластива, создают эффект говорящих деталей, свидетельствующих о времени, характере героя, его социальном статусе.

А.А. Пластива. Бабушка Катерина с Таней Юдиной. 1960.
Собрание семьи А.А. Пластива

Согласитесь, что было бы странно, например, изображать трактористов или косцов на природе с фарфоровыми чашками в руках или стеклянным графином. А вот глиняный кувшин, крынка или чаша – как раз под стать этому действию.

Всему свое место... И А.А. Пластива в этом смысле хорошо осознавал, какие произведения народного быта использовать в антураже своих моделей. Важно для него было то, чтобы они несли в себе утилитарность как основное качество, необходимое для сопровождения крестьянского образа. Здесь, конечно, наиболее подходящим был платок, который занимает наибольшее место в его картинах.

В семье художника хранится павловопосадский платок, некогда украшавший его модели. Он неоднократно сопутствовал героям целого ряда плавских произведений: «Праздник урожая» (1937), «Гость с фронта» (1944), иллюстраций к поэмам

А.А. Пластов.
Девушка с граблями. 1957. ГТГ

Н.А. Некрасова, внося в произведения художника важный колористический акцент. Платок, выполненный в конце XIX – начале XX века, дошел до нашего времени в несколько искаженном виде: обветшал, полинял, выцвел.

Идея возрождения платка появи-

лась у Татьяны Юрьевны Пластовой (жены внука А.А. Пластова, Николая Николаевича). Заместитель гендиректора ОАО «Павловопосадская платочная мануфактура» В.Г. Долгов поручил воплотить замысел члену Союза художников России, лауреату Государственной премии России Татьяне Павлове Сухаревской. В 2013 году она реализовала проект по воссозданию произведения народного искусства. В возрожденном виде он получил название «Татьяна», в честь одной из пластовских героинь – Татьяны Юдашновой (Танёги). Название платка отразило не только народное звучание произведения, но и запечатлело в истории имени еще двух Татьян (Татьяны Пластовой и Татьяны Сухаревской), причастных к этому шедевру, связав всех трех одним художественным решением.

Современному художнику Татьяне Сухаревской удивительным образом удалось заглянуть в «душу»

безымянного шедевра конца XIX – начала XX века и, приблизив его к современности, дать ему новую жизнь в нынешнем столетии. Скрупулезно, день за днем, несколько месяцев подряд трудилась она над эскизами, чутко и проникновенно воспринимая каждую деталь дошедшей через столетие ткани. Теперь современницы, благодаря труду Татьяны Сухаревской, могут украсить себя замечательным произведением народного искусства.

Александр Греков,
оргсекретарь и секретарь
по народному искусству
ВТОО «Союз художников России»,
заведующий отделом НИИ
Российской академии художеств,
главный редактор
журнала «Художник»
и газеты «Художник России»,
заслуженный деятель искусств РФ,
член-корреспондент РАХ,
кандидат искусствоведения

А.А. Пластов. Гость с фронта. 1944. Смоленский ГМЭ

«В центре Москвы две картины моего земляка»

Художник
Александр
Гордеев
о знакомстве
с картинами
Аркадия
Пластова

Вот я деревенский мальчишка, приехавший с одноклассниками в Ульяновск. Тенистая аллея над величественной Волгой, по которой плыли белоснежные пароходы, огромные баржи, а вот и долгожданный паровоз гудит, гремит, выпускает клубы дыма и мчится на огромный мост. Не оторвать взор от чудного видения! Вцепился я руками в чугунную решетку, радуюсь, и одноклассники мои кричат, руками машут, глаза у них горят от счастья, а пионервожатая собирает нас в отряд и ведет в музей. Открылись величественные двери, и я замер.

Широкая мраморная лестница сбегала к нашим ногам. На ней стояли огромные расписные вазы, а на стенах висели картины. Это был дворец, сказка, наполненная чудесами – «там, на неведомых дорожках следы неведомых картин, там чудеса». И искусствовед повел нас в нее. Вот мы остановились у картины, из которой изливалась необыкновенная радость жизни: в кузове полуторки, словно яркий цветник, сидели дети с пионервожатой. Их веселые лица выражали устремленность в счастливое будущее. Экскурсовод объяснила, что это картина «Дети на прогулке» (1950) академика, народного художника

А.А. Пластов. Весна. 1954. ГТГ

А.А. Пластов и А.С. Гордеев.
1960-е – начало 1970-х

СССР Аркадия Пластова и что живет он в деревне Прислониха Ульяновской области. Мы загалдели: «Наш земляк, наш художник, рядом живет! Мы же проезжали через Прислониху!». Чувство гордости овладело мной.

На обратном пути мы подъезжали к Прислонихе, словно к родной. Вот она под горой в лучах заходящего солнца. Ребята вскочили с мест и прильнули к окнам автобуса. У домов стояли мужики. Который же из них Пластов? Вот бы с ним повстречаться. И затеплилась искорка надежды.

Прошло несколько лет. Я учился в Ульяновске. В свободное время посещал изостудию Дворца культуры имени 1 Мая, ходил в художественный музей и пытался найти понравившуюся картину Пластова, но, увы, она исчезла.

Летом 1962 года проходила передвижная выставка Академии художеств СССР. И я, конечно, очутился в художественном музее. Открытие, встреча с Пластовым, новые радости и переживания. Я помню то место, где висела картина «В деревне (Кружка молока)» (1961–1962) и пляшущих солнечных зайчиков на блестящем паркете. Так было хорошо моей душе, что я помню это 40 лет, словно нахожусь перед картиной сейчас. Вот оно, чудо проникновения искусства живописи в душу юноши. Наверное, в тот момент я решил повидать картины Аркадия Пластова.

О нетерпеливая юность, не признающая преград! И вот я, взметнувшись по лесенке плавно набирающего ход поезда, сижу между раскачивающимися вагонами, а навстречу мне мчатся полустанки, деревни, города, колосющиеся нивы, пасущиеся стада коров и овец. Пастухи, заметив меня, приветственно машут руками, встречный поток воздуха поет свою песню.

Сладостное ожидание встречи томит меня, приближая к мечте.

Солнечные лучи заблестели на окнах вагонов. Вот и Москва с заводами и фабриками, множеством автомобилей и людей, спешивших по делам, словно неуправляемые потоки воды в высоких каменных берегах. Москва встречала огромной светящейся вывеской «Казанский вокзал» над крышей каменного здания. Огромная толпа потащила меня неведомо куда и вытолкнула на многолюдную площадь. Одно чудо сменяло другое, голова вертелась из стороны в сторону, стараясь все увидеть и запомнить. Свернув за угол, я узнал Третьяковскую галерею. Вот и ручка двери, и рука дрожит от волнения. Неужели я здесь, в храме искус-

удержимо влекущего и должен покинуть его навсегда. Это невозможно, я обязательно вернусь, а сейчас скорее к Пластову!

Вот и он! Необыкновенная гордость распирала душу. Это надо же, в центре Москвы две картины моего земляка, прославившего родину на весь мир. Они из моей жизни – старик и дети, сидящие у убранных копен хлеба («Жатва», 1945). Все, написанное художником, до боли знакомо мне, пережито в послевоенное время. Приходилось работать после уроков, иногда и целый день. Вот она, негоспаемая Русь! Вот она, красавица Русь в образе обнаженной молодой женщины, одевающей после бани своего ребенка («Весна», 1954). Любовь к

А.А. Пластов. Жатва. 1945. ГТГ

ства России, и никто не помешает мне увидеть картины великих художников! Со стен на меня смотрят работы, и каждая из них приглашает к разговору. Я мельком оглядывал залы, и вот первое открытие – Васильев! Пошла плеяда великих: Шишкин, Васнецов, Репин, Левитан, Серов. И словно гром среди ясного неба – «Боярыня Морозова» Сурикова и множество людей перед картиной. А дальше Брюллов и Иванов, и времени не остается. Как же так! Я добрался с трудом до огромного океана необыкновенно красивого, не-

дитю искрится из ее глаз лучезарным светом. И меня маленького собирала мама, а за дверями ждал папа, недавно вернувшийся с войны. А теперь скорее на Красную площадь. До свидания, великая Третьяковка, и до новой встречи!

Записано 1 марта 2014 года.

Александр Гордеев,

р.п. Сурское (Ульяновская область).

Художник, иконописец.

Участвовал в восстановлении храма Божоявления Господня в Прислонихе (1990, 2017)

«Под трепетной красочной плотью живёт человеческая душа...»

Андрей Яковлев об А.А. Пластове

Помню, как меня, первоклассника средней художественной школы, поразила выставленная в Третьяковской галерее картина А. Пластова «Сенокос». Каким светом, солнцем, жаром пронизана эта живопись! Каким медвяным, травным запахом пропитан холст! Это была какая-то волшебная картина! Мы бегали смотреть ее каждый день.

У кого не захватывало дух, не кружилась голова возле его «Ярмарки» (1935)? Кто не чувствовал прямо-таки физически одуряющего полуденного зноя, полного лесных запахов, стоя у картины «Лето» (1959–1960)? Кажется, его живопись творит чудеса. Когда за окнами музея промозглая ленинградская осень, на душе тоскливо и неудобно, подойдите к картине «Полдень» (1961). На вас пахнет таким июльским жаром, терпким живым запахом прокаленного тела и сморенной зноем травы, что ваше осеннее настроение исчезнет, как высохшая лужица, и в сердце войдет солнце.

Разве можно перечить все картины, в которых Пластов щедро одарил нас чувством радости бытия? Но есть у него картина, возле которой тяжкий комок подступает к горлу. «Фашист пролетел» (1942). Никогда не утихнут в этой картине боль и гнев художника. Несчетное множество картин написано о минувшей Великой Отечественной войне. Много хороших и верных, но эта особенная, и я, право, не знаю более сильной, емкой, современной и вечной. Потому что у А. Пластова все творения – часть сердца, ликует оно или мучительно стонет.

Иногда в залах музея приходит в голову фантастическое желание: если бы можно было ненадолго превратиться просто в зрителя и взглянуть на ис-

кусство глазами человека неискушенного. Что он видит, что он чувствует, что его захватывает? Ведь восприятие художника-профессионала совсем другое. В нем непосредственность и чувство духовного сопереживания почти мгновенно уступают место (и это закономерно) изучению, профессиональному интересу. Но есть такие мастера, у творений которых в душе долго звенит восторженное: «Как это сделано!». И не хочется придавать этому восклицанию вопросительную окраску. А потом понимаешь – это просто-напросто бесполезно. Разве поймешь, почему у А. Пластова листья шелестят, а травы пахнут и слышен шорох колосьев и звон кузнечиков?

Разве найдется рецепт, как он написал воду так, что, глядя на холст, слышишь плеск родниковых струй и зубы сводит от ледящего холода? Разве можно, сколько бы ни всматривался в пластовский холст, узнать, какими ухищрениями заставил он масляные краски из свинцовых тюбиков превратиться в небо, пышущее зноем?

Можно научиться видеть цвет, тонко чувствовать тональные отношения, можно научиться делать хорошую живопись, но тому, что уметь делать краскам А. Пластов, научиться нельзя. Потому что это волшебство, колдовство какое-то. А волшебником надо родиться.

Как часто нынче возникают споры об изобразительном языке совре-

**А картины
Аркадия Пластова
живут!**

менного искусства. И как часто случается так, что работы, казалось бы, обладающие всеми необходимыми качествами «современного» звучания, работы, в которых присутствуют и «обобщенность образа», «лаконизм», и «экспрессия», и необходимая «декоративная плоскостность» в сочетании с «монументализмом», по истечении некоторого срока превращаются в равнодушные, схематические, никого не волнующие и ничего не говорящие ни уму, ни сердцу поделки. А картины

А. Пластова живут! Став уже музейным достоянием, они хранимы временем, безжалостно отсеивающим зерна настоящего искусства от плевел. И они современны, потому что написаны не по рецептам моды, а обладают качествами большого искусства – качествами не временными, а вечными. Они всегда говорят с людьми живым человеческим голосом и, что не менее важно, чистым, незамутненным никакими инородными акцентами русским языком, языком великих наших худож-

ников – от Рублева до Сурикова. Потому картины А. Пластова понятны сердцу и трогают душу. И спасибо судьбе, поклон России за то, что она подарила нашему искусству такого родного для всех художника, каким был, есть и будет всегда Аркадий Александрович Пластов.

Андрей Яковлев (1934–2012),
народный художник РФ,
член-корреспондент РАХ

А как интересно знакомиться с людьми в его картинах и портретах! Именно знакомиться – как с реальными, живыми, стоящими рядом. Добротные, крепко скроенные, надежные и красивые люди. Русские характеры. Внимательному человеку, умеющему слушать неторопливый рассказ, они поведают о себе многое. Кто-то из великих мастеров сказал, что между холстом и слоем краски художник должен запечатлеть душу. Так и у А. Пластова – под трепетной красочной плотью живет человеческая душа.

А.А. Пластов. Ярмарка. 1947. Национальный художественный музей Молдовы

«Художник должен быть талантлив!..»

Художник Аркадий Егуткино встречался с А.А. Пластовым

Тяжелые дороги эвакуации, точнее, бегство от фашистов, привели нашу семью в 1942 году из Западной Беларуси на Волгу, в село Должниково Ульяновской области, куда вскоре пришла похоронка на отца. Он погиб в боях под Орлом. В приютившем нас благословенном селе мы жили пять лет, и, несмотря на трудности, деревенское детство – одно из лучших моих воспоминаний. В Должникове, где не было ни радио, ни электричества, а газеты с фронтовыми новостями приходили с опозданием, я нашел занятие по душе – рисование.

Знакомство с А.А. Пластовым

Помню, что в доме, где мы жили, висел гипнотизирующий меня календарь. Однажды мама оторвала очередной листок, и я увидел рисунок с картины Аркадия Пластова «Жатва» (1945): старик и дети – главная рабочая сила в войну – обедают в поле рядом со снопом пшеницы, я был потрясен реалистичностью, ведь это происходило вокруг нас. Масштабы художника я тогда представить не мог, только восторг от увиденного.

В 1947 году мы переехали в Ульяновск. В восьмом классе (А.Е. Егуткин учился в Первой мужской школе имени В.И. Ленина. – Прим. ред.) начал посещать изостудию Дворца пионеров – единственное место в городе, где можно было научиться рисовать. Руководил ей только что окончивший художественное училище Юрий Васильевич Павлов. Он прививал нам, студийцам, любовь к искусству. Имена Репина, Сурикова, Левитана были у нас на устах. И я начал осознавать масштабы «старого знакомого» – А.А. Пластова. А то, что он земляк, было предметом особой гордости.

В художественном музее я пропадал часами. Общение с людьми, беззаветно преданными искусству, разговоры о Пластове усиливали увлечение. Но сомнения в способностях повлияли на выбор профессии. Я поступил в Казанский химико-технологический институт. Только с годами понял: какой бы ты ни был художник – жизнь в искусстве счастье! Окончив институт, в 1960 году начал работать на Ульянов-

ском автомобильном заводе и сотрудничать с редакцией областной газеты «Ульяновская правда».

Волей судьбы я оказался с папкой рисунков в Москве на Масловке в мастерской Федора Решетникова, автора картины «Опять двойка». Он посоветовал мне учиться и подарил свой рабочий мастихин, который берегу по сей день. И вдруг говорит: «Хочу по-

казать тебя лучшему живописцу, твоему земляку и тезке». – Сердце екнуло. – «Пластову Аркадию». Я испугался. Предстать перед кумиром – это уж слишком! «Не дрейфь, пошли».

Мы спустились этажом ниже и по пути зашли в мастерскую Лидии Бродской, жены Решетникова и дочери художника Исаака Бродского. Нас встретила невысокая, стройная женщина.

А.А. Пластов. Лето. 1959–1960. ГТГ

Решетников: – Хочу показать его рисунки Аркаше.

Лидия перелистала рисунки и спросила, где я учился.

Решетников: – Да нигде он не учился. А вот поди ж!

Бродская: – Ну и правильно. Познакомь с Пластовым. А вы приходите, когда время найдется.

Решетников: – Аркадий не москвич. Из Ульяновска он.

Бродская: – Тем более, земляки – надо познакомиться.

Мы двинулись по коридору дальше. С каждым шагом робость усиливалась. На стук дверь отворилась, на пороге в черном костюме с галстуком сам Пластов.

Решетников: – Ты, смотрю, при параде. Собрался куда? А мы к тебе. Хотел показать парня, твоего земляка.

Пластов: – Эх, мужики, а ведь мне надо идти. Ну, заходите.

Первое, что я увидел – на станке в работе картина «Смерть дерева» (1962). Пластов пересмотрел рисунки, которые я привез.

Пластов: – Учился где? Надо учиться! У тебя все к тому есть! Знаешь что, приезжай в весну в Прислониху, там и поговорим. А сейчас извините, ребята, тороплюсь.

А.А. Пластов. В деревне. (Кружка молока). 1961–1962. ГТГ

В Прислонихе

Едва дождавшись весны, на попутке я помчался в Прислониху. Запахи деревни, дыхание весны свалились роем воспоминаний должниковского детства. Я был взволнован предстоящей встречей. Подошел к калитке, услышал угрожающий рык. Заглянул в щель – во дворе огромная овчарка. На

высокое крыльцо вышла миловидная полноватая женщина, как оказалось, жена художника, Наталья Алексеевна. Шумнула на собаку. «Меня приглашал Аркадий Александрович», – сказал я. Наталья Алексеевна позвала в дом.

Я огляделся, внимание привлёк портрет рисующего ребенка. Как выяснилось, внука Аркадия Пластива – Коли. Из передней показался Аркадий Александрович в простой рубахе-гольцовке – разительный контраст с первой, московской встречей. «А, явился. Ну сейчас».

Аркадий Александрович накинул телогрейку, на голову надел треух, с торчащими вверх ушами, ноги в шерстяных носках – в калоши, и мы пошли через двор в мастерскую. Все для меня было необычным: и стены из бревенчатых скатов, и столярный инструмент у входа, и полки по периметру со скульптурками из кореньев, и столы под оконными фрамугами. Кругом листы из школьных альбомчиков с карандашными набросками. На некоторых пометки: небо серо-голубое, облака фиолетовые. Не мог оторвать глаз от картины на мольберте: женщина в белой косынке доит корову, похожую на нашу, которая спасала семью от голода («В деревне. Кружка молока», 1961–1962). Рядом мальчик, теленок, кошка. Поваяло вновь деревенским уютом и вкусом парного молока. Перехватив мой взгляд на деревянные фигурки, Аркадий Александрович, помолодему опершись коленом на стол, дотянулся до одной из них: «Смотри, настоящий фавн. Иду по лесу, а он валется. Ей-богу, не дотронулся ножом. Как есть – пьяный фавн!».

А.А. Пластов. Полдень. 1961. ГРМ

Художник

Аркадий Александрович говорил по-деревенски, слегка окая. Но мне он представлялся философом, эрудитом, человеком энциклопедических знаний мирового искусства. Начиная фразу, не завершал ее. Мысль опережала, и он переходил к следующей. Со временем я научился договаривать «про себя» его предложения. Это выстраивалось в концепцию отношения к творчеству, которая близка мне по сей день. Выучившись на графика, увлекаясь скульптурой, я (под влиянием Пластова) избрал живопись.

Вспоминая пластовские интонации, представлял их себе, когда слушал от художников старшего поколения рассказы о его выступлениях и поведении.

На академическом форуме современных художников выступающие говорили, что художник должен владеть рисунком, изучать природу, быть реалистом, жить жизнью народа. Аркадий Пластов говорил о том же, только живо и образно. В конце его выступления – аплодисменты. Художник пошел к своему месту, вдруг остановился и обратился к ведущему: «Да, председатель, я ведь главного не сказал. Художник должен быть талантлив!».

В 1976 году в Манеже готовилась Всесоюзная выставка. Художники что-то поправляли, переговаривались. Пе-

ред открытием выставку должны были отсмотреть из Политбюро. В этот раз председатель Совмина РСФСР Михаил Соломенцев. Он со свитой остановился перед картиной «Лето» (1959–1960). На полотне – доярка наливает из подойника пастуху в кружку молоко, а на дальнем плане – стадо и возвышающийся над коровой бык. Соломенцев обратился к Пластову с предложением убрать эпизод с быком. На что Аркадий Александрович раздраженно: «Вы ведь смотрите на жизнь из окна кабинета. Какое стадо без быка!». Соломенцев улыбнулся и пошел дальше.

Как-то просматривая мои работы, Аркадий Александрович сказал: «Ты помужественней рисуй, помужественней!». Я тогда увлекался работами Валентина Серова и в какой-то мере подражал ему. По моему недоумению на лице он понял – не дошло. Оглянулся на стоящего в дверях сына: «Колька, принеси-ка альбом Врубеля». Тот неохотно пошел. Видимо, не одобрял трату отцом времени на какого-то парня, далекого от академического клана живописцев. В альбоме дореволюционного издания Аркадий Александрович показал рисунок «Голова Пророка». Врубель, не скрывая работы с графическим материалом, большими штрихами и плоскостями удивительно формировал образ. На всю жизнь запомнил я слова Аркадия Александровича: «Не теряй времени, Аркаша.

У меня столько замыслов, а времени уже не остается». Я согласно кивал, а в голове – впереди целая жизнь, чего там... И только сейчас, подводя итог прожитого, понимаю, сколько его потеряно, времени-то! А замыслов еще много.

Прощание

Не забуду похороны А.А. Пластова. Он лежал со свечой в сложенных руках и библейским изречением на челе. В почетном карауле крестьяне и художники. При выносе – огромное стечение народа. В полном составе перед домом торжественно играл симфонический оркестр. Ветер шевелил фалды концертных фраков. Похоронная процессия шла двумя колоннами – по селу и параллельно по большому тракту. Когда они слились на повороте к сельскому кладбищу, запел хор плакальщиц. Зрелище было потрясающим. Солнце и погоняемые весенним ветром белые стремительные облака, бросающие легкие движущиеся тени на нежную зелень озимых. Ощущение участия в грандиозной массовке на съемке широкоформатного фильма. В кладбищенскую ограду, словно на средневековой картине, вносили огромный дубовый крест с вырезанной надписью «Художник Аркадий Александрович Пластов». И никаких: «академик», «лауреат» и так далее. На поминках первым встал крестьянин с полным стаканом водки в руке и сказал: «Лександрыч был настоящий работяга! Помянем!». Так вот. Просто и емко о великом художнике.

В живописи я не подражал Пластову, да и подражать ему невозможно, потому что он творил как жил. Он пронес малую родину через жизнь. В этом я убедился на первой персональной посмертной выставке. Манеж заняла его родная живописная Прислониха. В ней, как в капле росы, отразилось мироздание. Аркадий Пластов относился к живописи как к мощному средству выражения духовности и любви. Это великий пример для российских художников всех поколений.

Аркадий Егуткин,

народный художник России,
почетный гражданин города Ульяновска,
председатель правления
Ульяновской организации
Союза художников России
в 1995–2013 годах

Пластов рисует войну

Военная тема на полотнах народного художника СССР А.А. Пластова – неотъемлемая часть ульяновских мемориальных изданий о Великой Отечественной войне (13 томов Книги памяти, 12 томов книги «Солдаты Победы», 7 томов книги «Солдаты трудового фронта»), к подготовке и изданию которых редакционная комиссия приступила в начале 1990-х годов. Вобщей сложности сюда вошли имена около 550 тысяч ульяновских фронтовиков, тружеников тыла и обширные архивные материалы.

А.А. Пластов. Немцы идут. 1941.
Тульский областной художественный музей

«Я – очевидец... Война глазами народного художника СССР А.А. Пластова и заслуженного художника РСФСР В.В. Киселева» – название иллюстративной подборки в двенадцатом томе «Солдаты Победы» (2006). Автор вступительного слова – кандидат филологических наук Т.Ю. Пластова (г. Москва).

В 2018 году завершилась работа над пятым (заключительным) томом книги о детях военного времени. Мно-

готомник включает биографические списки из более 80 тысяч фамилий ульяновских детей военного времени 1932–1945 годов рождения, свыше 350 архивных документов, около 1200 воспоминаний о военных годах и статей о детях военного времени, внесших особый вклад в развитие Ульяновской области (герои труда и передовики производства, руководители области, предприятий, учебных заведений).

Пятый том ульяновской книги

«Детство, опаленное войной», изданный в год 125-летия народного художника СССР А.А. Пластова, содержит иллюстративную вставку «Дети войны на полотнах А.А. Пластова». Это оригинальные материалы, предоставленные внуком мастера, заслуженным художником РФ Николаем Николаевичем Пластовым (г. Москва). Тема является новой для исследователей творчества великого художника.

Иллюстративная вставка «Детские книжки военных лет» в том же пятом томе книги «Детство, опаленное войной» воспроизводит альбом для детей дошкольного возраста «А. Пластов. Год в колхозе» (М., Детгиз, 1943 г., тир. 50 тыс. экз.) с тридцатью рисунками мастера. Здесь же воспроизводятся фотографии А.А. Пластова в кругу своих близких и детей разных поколений. Редкий экземпляр альбома «Год в колхозе» и фотоматериалы для использования в новом памятном издании предоставлены ОГАУК «Ленинский мемориал» из фонда ульяновского художника-краеведа Д.И. Архангельского – учителя А. Пластова.

Лидия Берч,
журналист,

член рабочей группы по подготовке областных памятных изданий по периоду Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

А.А. Пластов. Партизан-связной. 1971.
Центральный музей Вооруженных сил СССР

Если вы внимательно читали статьи августовского номера, то для вас не составит труда ответить на вопросы небольшой викторины от архивиста Антона Шабалкина. А если какие-то вопросы вызовут затруднения, вы можете обратиться к ответам, напечатанным на задней обложке.

1. В состав какого уезда входило с. Прислониха, когда в нем родился Аркадий Пластов?

- Карсунский   Майнский
 Тагайский   Симбирский

2. Кем служил в Богоявленской церкви с. Прислонихи отец художника Александр Григорьевич Пластов?

- Священник   Дьякон
 Псаломщик   Церковный староста

3. Как звали в девичестве маму Аркадия Пластова?

- Ольга Ивановна Лейман
 Екатерина Васильевна Шарымова
 Елена Николаевна Холодилина
 Софья Николаевна фон Вик

4. В каком из перечисленных учебных заведений Симбирска учился А.А. Пластов?

- Симбирская классическая гимназия
 Симбирское духовное училище
 Симбирское городское четырехклассное училище
 Ремесленное училище графа В.В. Орлова-Давыдова

5. В каком городе получал художественное образование молодой Аркадий Пластов?

- Казань   Петроград
 Рим   Москва

6. В здании, где сейчас размещается Музей А.А. Пластова, его учитель Д.И. Архангельский организовал первую выставку молодого художника. В каком году это произошло?

- 1912 год   1915 год
 1918 год   1924 год

7. На чью стипендию получал художественное образование Аркадий Пластов?

- Симбирский губернатор
 Симбирское губернское дворянское собрание
 Симбирское губернское земское собрание
 Карсунское волостное правление

8. В каком храме Ульяновска венчались в 1925 году А.А. Пластов и Наталья Алексеевна фон Вик?

- Свято-Троицкий   Богоявленский
 Германовский   Тихвинский

9. Свидетелем какого сражения Великой Отечественной войны стал А.А. Пластов, получивший командировку на фронт?

- Битва за Москву   Сталинградская битва
 Форсирование Днепра   Взятие Берлина

10. На каких переговорах «Большой тройки» экспонировалась картина А.А. Пластова «Немец пролетел»?

- Тегеранская конференция 1943 г.
 Ялтинская конференция 1945 г.
 Потсдамская конференция 1945 г.
 Картина была написана после войны

11. Кто из советских военачальников раскритиковал в 1943 году на выставке в Манеже картину А.А. Пластова, изображавшую пленных немцев?

- С.К. Тимошенко   Р.Я. Малиновский
 К.Е. Ворошилов   Г.К. Жуков

12. Какая пластовская картина 1940-х годов стала сюжетом стихотворения 1983 года поэта Н.Н. Благова?

- «Гость с фронта»   «Жатва»
 «Трактористки»   «Фашист пролетел»

13. Чиновники-перестраховщики от искусства приписали к названию одной из картин слова «Старая деревня», но художник оторвал эту часть этикетки. Назовите это знаменитое полотно.

- «Жатва»   «Сенокос»
 «Весна»   «Ужин трактористов»

14. Какую страну посетил в 1956 году в составе группы советских художников А.А. Пластов?

- Финляндия   Куба
 Индия   Италия

15. Украшением Музея А.А. Пластова в Ульяновске является картина «Костёр в поле». Урожай чего собирали?

- Пшеница   Подсолнух
 Картофель   Рожь

16. Что изображено на большой картине «Праздник» Музея А.А. Пластова в Ульяновске?

- Дети в кузове грузовика
 Конные бега
 Застолье в крестьянской семье
 Карусель на ярмарке

17. На картине 1962 года «Смерть дерева» с пилой изображён сосед и друг А.А. Пластова М.И. Кондратьев. Гибель какого дерева увековечил художник?

- Берёза   Дуб
 Ель   Сосна

18. Какое из нижеперечисленных произведений НЕ иллюстрировал А.А. Пластов?

- «Капитанская дочка» А.С. Пушкина
 «Мороз, Красный нос» Н.А. Некрасова
 «Холстомер» Л.Н. Толстого
 «Поднятая целина» М.А. Шолохова

19. 5 мая 1972 года, за неделю до смерти, А.А. Пластов написал свой последний этюд. Что на нём изображено?

- Интерьер мастерской   Улица Прислонихи
 Весенний лес   Облака над полем

20. В каком году была впервые открыта Пластовская картинная галерея на улице Гончарова?

- 1972 год   1986 год
 1993 год   2010 год

Куда пойти

Дорогие читатели, в августовском выпуске журнала мы познакомили вас с удивительным человеком, художником из Прислонихи Аркадием Пластовым. А чтобы больше узнать о жизни и творчестве нашего земляка, «Мономах» рекомендует посетить:

Ульяновский областной художественный музей

(г. Ульяновск, бул. Новый Венец, д. 3/4)

Один из старейших музеев в Поволжье. Коллекция музея формируется с 1895 года. После 1917 года в состав музея вошли национализированные собрания симбирских дворян, промышленников, купцов. В 1920–1930-е годы музей пополнялся памятниками, поступившими из Государственного музейного фонда, Пушкинского Дома, Академии наук, Эрмитажа. Собрание музея насчитывает более 11 тысяч экспонатов. В фондах находятся коллекции русской и западноевропейской живописи, скульптуры, графики XVI – XX вв. В музейный комплекс входят художественный музей и три филиала: Музей современного изобразительного искусства им. А.А. Пластова, «Музей-усадьба народного художника СССР А.А. Пластова» в Прислонихе и Музей А.А. Пластова.

Музей работает с 10.00 до 18.00. Понедельник – выходной.

Тел. 8 (8422) 44-30-80. www.ulmus-art.ru

Музей А.А. Пластова

(г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 16)

В музее экспонируются более 50 подлинных произведений великого живописца периода 1920-х – начала 1970-х гг. Среди них такие известные, как «Деревенский март», «Костёр в поле», «Мартовское утро», «Рим. Аппиева дорога». В экспозицию вошли также личные вещи А.А. Пластова. Огромную ценность представляют ранние рисунки Пластова, старинные фотографии односельчан художника и предметы народного быта из Прислонихи, переданные в дар жителями села.

Музей работает с 10.00 до 18.00. Пятница – выходной.

Тел. 8 (8422) 41-48-20.

Музей изобразительного искусства XX–XXI вв.

(г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 51)

Музей был открыт 1 марта 1992 года (до 1996 года назывался галереей «Искусство XX века»). Это первая постоянная комплексная экспозиция искусства XX века со времени основания музея. В постоянной экспозиции представлены: искусство начала XX века, русский авангард, советское искусство 1930–1980 годов, экспозиция произведений А.А. Пластова.

Музей работает с 10.00 до 18.00. Вторник – выходной.

Тел. 8 (8422) 42-05-76.

Историко-художественный музей-заповедник

«Прислониха – родина А.А. Пластова»

(с. Прислониха Карсунского района Ульяновской области)

Музей открыт в 1988 году. Экспозиция размещается в здании правления бывшего колхоза им. М.И. Калинина. В музее представлены подлинные вещи из мастерской А.А. Пластова: палитра, тюбики с красками, лаки, корневая скульптура, предметы художественного творчества и кисти мастера, рабочие альбомы художника.

Музей работает с 10.00 до 18.00. Понедельник – выходной.

Тел. 8 (84246) 3-43-22.